

Альбина Ярулина

Железная Леди

18+

автор иллюстраций
@kerrlx (m2)

Альбина Ярулина

Железная леди

«Автор»

2023

Ярулина А. А.

Железная леди / А. А. Ярулина — «Автор», 2023

Сильное, спортивное тело Александры, победительницы соревнований по бодибилдингу, свело немало мужчин с ума. Одним из таких «сумасшедших» был и муниципальный депутат, возжелавший видеть Сашу в качестве своей супруги. И его желание сбылось, ведь этот нечистый на руку чиновник занимает не только высокую должность, но и обладает немалым капиталом, позволяющим исполнять желания. После свадьбы Александра становится заложницей в доме супруга, походившего больше на изувера и надзирателя, нежели на любящего мужчину. Поэтому похищение Саши Кириллом с целью шантажа является для нее спасением, о котором она мечтала тринадцать лет пребывания в браке. Александра влюбляется в Кирилла и ее чувства взаимны, но ведь влиятельный госслужащий Дамир Сабуров никогда не позволит Саше покинуть его дом. Вот тут-то и начинается ожесточенная борьба за свободу и счастье, напоминая страшный бой не на жизнь, а на смерть с неравным, сильным, предусмотрительным и хладнокровным соперником: с собственным «Я».

© Ярулина А. А., 2023

© Автор, 2023

Альбина Ярулина

Железная леди

«Не гляди на ее запястья
И с плечей ее льющийся шелк.
Я искал в этой женщине счастья,
А нечаянно гибель нашел...»
С. А. Есенин

Дотянувшись до бокала, услужливо размещенного передо мной улыбчивым барменом, я поднесла его к губам, делая небольшой глоток. Еще порция «легкости» в копилку хронической усталости была опущена незамедлительно. Желание расслабиться было настолько сильным и влиятельным, что я не в силах была бороться с ним.

— Ты что, издеваешься? – прошипел голос, принадлежащий Нику, где-то справа от меня.

Нацепив на лицо маску недовольства, я повернулась к нему. Никита заметно нервничал, поглядывая на черный циферблат наручных часов.

— Еще пять минут, – произнесла я, тяжело вздыхая.

— Какие пять минут? – опешил он, продолжая нервничать. – Сашка, ты хочешь, чтобы меня Сабуров закопал живьем? Скоро приземлится его самолет... – начал ныть Ник, словно сопливый мальчишка.

— Замолчи! – перебила я его, повысив голос. – Иду я уже, иду. Сейчас только расплачусь и выхожу, – сказала раздраженно я, ища в карманах толстовки пластиковую карту. – Иди в машину! – приказала я, раздраженная его присутствием.

Никита недовольно фыркнул и направился к выходу. Проводив его взглядом и убедившись в том, что он действительно покинул бар, я повернулась к бармену и, довольно улыбнувшись, произнесла:

— Еще бокал вина.

Бокал очень быстро опустел, и мне пришлось отправиться восвояси. Сунув карту, возвращенную барменом, в карман, я натянула на голову капюшон для маскировки и направилась к выходу. Оказавшись на улице, я осмотрела темноту, хмуря лоб. Еще пару часов назад над входом в бар светил яркий фонарь, а сейчас его лампа не желала имитировать солнце, погружая улицу во тьму, вызывающую беспокойство. Я пыталась в этой темноте отыскать авто Никиты, но это было нереально и абсолютно бессмысленно. Черный кузов кроссовера наверняка утонул в такой же ночной черноте.

— Бестолковый Ник, хоть бы фары догадался включить, – пробубнила я себе под нос, недовольно всматриваясь в темноту, – мне тебя что, по запаху искать, как ищейка?

Сделав несколько шагов вперед, отдаляясь от входа, я увидела стремительно приближающийся автомобиль. Я даже успела вздохнуть с облегчением, будучи уверенной в том, что это Никита, но прямо передо мной резко затормозил черный чужой седан, скрипнув тормозами. Я отпрянула назад, в страхе, что его колеса окажутся на моих белых кроссовках и уже готова была прокомментировать навыки вождения этого горе-водителя, как задняя дверца настежь распахнулась, а оттуда высунулась длинная мужская рука. Она схватила мое оцепеневшее тело за толстовку и мгновенно втянула его в салон. Дверь тут же закрылась, отрезав путь к отступлению; щелкнул центральный замок и автомобиль, взвизгнув колесами, рванул с места.

Повернув лицо, на котором застыл испуг, я взглянула на мужчину, сидящего справа от меня. Он тоже соизволил повернуть свое каменное лицо, не выражающее никаких эмоций, и одарить меня холодным взглядом безразличия. Я ощущала, как мое скованное страхом сердце

пытается биться из последних сил, поддерживая жизненные показатели тела в пределах нормы, ощущала, как пульсирует боль в затылке, напоминая ритмичные удары барабанных палочек по мембране. Мужчина все с тем же безразличием отвернулся, уставившись в боковое окно. А я все так же пристально смотрела на его лицо, вернее, на его затылок, периодически освещаемый горбатыми уличными фонарями.

Когда тело привыкло к страху, словно к холодной воде, я смогла задать мучающий меня вопрос и поинтересоваться у каменного лица, что же происходит. Нет, ну, конечно же, я понимала, что происходит, но хотелось бы услышать версию со стороны. Вот только мужчина, повернув лицо, одарил меня таким жутчайшим взглядом, что я, словно виноградная улитка, втянула шею в плечи, желая стать менее заметной в глазах сильного плотоядного существа с длинным мощным клювом. Больше я не проронила ни слова, продолжая испытывать липкий мерзкий страх, не желающий отпускать дрожащие мышцы.

Вскоре автомобиль замер у высоких металлических ворот, напоминающих больше листы жести. Водитель седана покинул салон и, подойдя к ним, сунул ключ в амбарный замок, болтающийся на цепи. Распахнув створки, он вернулся за руль и, сдвинув своего железного коня, въехал на территорию долгостроя, хрустя рассыпанным по площадке гравием. Машина остановилась вблизи черной дыры в стене, которая могла бы когда-то стать входом в подъезд, например. Мужчина, сидевший рядом со мной, выбрался наружу и, обойдя черный кузов, распахнул дверцу с моей стороны.

— Выходи, — приказал он с холодным спокойствием, которое пугало больше, нежели яростный оглушающий крик.

Не желая оказывать сопротивление, я подчинилась приказу и поспешила покинуть салон, дабы не раздражать своего «конвоира». Страх все еще владел телом, сокращая мышцы и вызывая дрожь. Оказавшись на улице, я подняла лицо вверх, пытаясь рассмотреть недостроенный дом в темноте. Высокое серое здание, с плитами вместо балконов и дырами вместо окон, пряталось за темным занавесом ночи. Рядом стоял высокий желтый кран с длинной стрелой, словно цапля с клювом, на конце которой не спеша покачивался увесистый большущий крюк.

Мужчина неожиданно схватил меня за руку, увлекая за собой, и двинулся в сторону строения. Иногда спотыкаясь о куски кирпичей и арматуру, я шла следом, стараясь не отставать, так как любое промедление причиняло боль руке и оканчивалось резким рывком. Мы поднялись по лестнице на седьмой этаж и вошли в серую кирпичную «коробку» с квадратной дырой вместо окна, справа от которой стояла наполовину разобранный кирпичная упаковка. Мужчина отпустил мою руку и повернулся к следующему за нами водителю седана, а тот, изъясая из кармана наручники, протянул ему. С испугом глядя на металлические браслеты, я отступила назад. Сердце снова стало колотиться как можно быстрее, словно торопилось исчерпать лимит ударов. Мужчина сделал два широких шага и, оказавшись рядом со мной, схватил за правую руку, защелкнув на запястье браслет. Второй браслет защелкнулся на ржавой тонкой трубе, расположенной справа от окна и пронизывающей потолок и бетонный пол комнаты. Развернувшись, он кивнул водителю, и они направились к лестнице, а я так и осталась стоять с широко распахнутыми глазами, глядя в спины уходящих людей.

Я еще долго ждала, что они вернуться, но время шло, а высотка тонула в тишине и ночной тьме, будто субмарина, погружающаяся все глубже и глубже. Обреченно вздохнув, я опустилась на кирпичи и, прижавшись плечом к трубе, закрыла глаза. В голове что-то гудело, напоминая шум завода, а я думала о том, что во всех моих бедах виноват муженек. Я уже тринадцать лет являюсь средством манипуляций Дамиром.

Мой муж — муниципальный депутат, хотя эта должность всего лишь занавес, скрывающий истинное положение вещей. Дамир Сабуров по уши погряз в криминале, называя его бизнесом, который, согласно запрещающему закону заниматься предпринимательской деятельностью, зарегистрирован на подставные лица. Его многие ненавидят, величая себя гордым

званием «враг». Вот такие враги, периодически возникающие в моей и без того паршивой жизни, и доставляют неудобства.

Невеселые мысли помогли пережить эту холодную ночь. На улице небо приобрело голубой оттенок, а восходящее солнце наполнило мою «коробку» солнечными зайчиками. Невыносимая боль в затылке причиняла неудобство, спина ныла от боли и напряжения, а руки замерзли до такой степени, что пальцы не подчинялись мышцам. Где-то вдалеке послышались голоса. Сначала я приняла их за галлюцинацию, но чем громче они становились, тем все больше я верила в их реальное существование. Конечно же, я надеялась на то, что это мой благоверный пришел спасти меня из каменного плена, но разочарование снова настигло измученное тело.

В бетонной «коробке» появились уже знакомые мне мужские фигуры, замерев в солнечном свете. Сердце снова с волнением ударило в грудь азбукой Морзе, сообщая об опасности. Неожиданно в помещении возникла еще одна незнакомая мне фигура. Она мгновенно оказалась в ярких утренних лучах, представ предо мной. Я по-прежнему сидела неподвижно, глядя на высокого мужчину лет тридцати пяти, в свою очередь смотрящего на меня. Его черная футболка плотно обтягивала накаченную грудь, которая периодически раздувалась, выдавая вдох, а рукава темно-синего джемпера стягивали бицепсы, словно эластичные бинты. Такие же синие спортивные брюки и черные кроссовки дополняли образ человека, увлекающегося спортом. Мужчина с интересом рассматривал на меня, отчего-то хмурия лоб, а я остановила свой взгляд на его монохромных глазах. Серый оттенок был холодным и глубоким, а при попадании солнечного луча на лицо, его цвет глаз, словно растворялся, становясь прозрачным. Этот мужчина внушал больший страх, нежели те двое, что стояли чуть позади, за его спиной. В его взгляде читался статус, власть и сила. Небогатая мимика лица делала его хмурым и каким-то жестоким. Он посмотрел на мужчин поочередно, неспешно поворачивая корпус то вправо, то влево, а затем снова перевел взгляд на меня.

— Вы кого мне привезли? – спросил грубо он, недовольно щуря глаза.

— Кого ты и просил... – начал свою речь водитель седана, но под его злобным взглядом, прервал вереницу слов, замолчав.

— Ты, – обратился мужчина ко мне, – жена Сабурова?

— Нет, – соврала я, усмотрев в этом самом «нет» спасение.

Он нахмурился еще сильнее, глядя на меня исподлобья. Я старалась не дышать, ощущая себя слабой и беззащитной. Эти инстинкты заложены природой: дабы сохранить свою жизнь, нужно просто показать свою смерть сильному жаждущему крови хищнику, и он обязательно отступит, если, конечно, не питается падалью.

— Так кого вы мне привезли? – шипя, спросил мужчина моих похитителей.

— Жену Сабурова, – в один голос произнесли они, как двое из ларца, и синхронно пожали плечами.

— Жене Сабурова лет пятьдесят, а этой – вполовину меньше, – недовольно скривился он, глядя на меня.

— Так это бывшей жене пятьдесят, – попытался убедить его водитель, – а эта нынешняя.

Мужчина пристально посмотрела в глаза водителю, пытаясь отыскать ложь, но, так и не обнаружив ее, перевел свой злой взгляд на меня.

— Ты кто? – прошипел он так зловеще, что я, словно под гипнозом, произнесла:

— Жена Сабурова...

— Решила поиграть со смертью? – продолжал шипеть мужчина, по-звериному щуря глаза.

Пауза вползла в окно с солнечным лучом и повисла над нами, левитируя прямо над головами. Мужчина все пристальнее всматривался в мое лицо, а из его глаз испарилась злость. Я

тоже не отводила своих глаз от него, копаясь активно в памяти. Эти серые глаза я видела уже когда-то, вот только когда и где?

— Откуда я знаю тебя? – неожиданно спросил он, нахмутив брови.

— Откуда же мне знать? – задала я встречный вопрос, пожимая плечами.

Мужчина еще постоял пару минут в раздумьях, а затем сдвинулся с места.

— Отстегни ее, – приказал он моему мучителю.

Водитель седана мгновенно оказался рядом и, сунув маленький ключик в замок наручников, освободил мою руку из оков. Схватившись за запястье, которое ныло от боли, я подняла взгляд исподлобья на мужчину в спортивном костюме, ожидая его дальнейших указаний. Но он молчал и продолжал рассматривать лицо, копаясь в своей долгосрочной, и как оказалось, ненадежной памяти. Я с трудом подняла тело с холодной кирпичной упаковки и попыталась сделать шаг вперед, проверяя работоспособность ног.

— Сбежавшая невеста, – неожиданно произнес мужчина, а я вздрогнула от этой неожиданности.

Взглянув на него, я замерла на месте. «Да, точно, это именно тот мужчина, которого я встретила на пляже в день своей свадьбы».

Пытаясь расслабиться на «похоронах» своей свободы, я прибегла к помощи алкоголя – самого доступного средства, находящегося на праздничном столе. Естественно, Сабурова это взбесило, и он не поленился выяснить со мной отношения. Впихнув меня в служебное помещение, он сказал все, что думал обо мне и обо всей сложившейся ситуации. Дамир доходчиво объяснил кто я, откуда и почему я здесь. Не поленился он описать и мое ближайшее будущее в ярких красках. Сабуров сделал все, чтобы причинить боль моральную, а затем и физическую, дабы привести меня в чувство. Когда он вернулся в зал к гостям, я исчезла с собственной свадьбы, оказавшись на пляже.

Я, двигаясь вдоль береговой линии по мокрому от дождя песку босиком, приподнимала намокшую тяжелую юбку свадебного платья, испытывая отвращение к своей несправедливой судьбе. Слезы стекали по лицу ручьями и, смешиваясь с каплями дождя и тушью, рисовали на лице боль и отчаянье. Стянув с мокрого безымянного пальца кольцо, я с ненавистью швырнула его в соленую морскую воду, словно это могло вернуть то, что я потеряла навсегда – свободу.

Вот тут и появился этот молодой сероглазый и красивый мужчина. Вот только тринадцать лет тому назад его лицо не было таким жестоким и безэмоциональным. Он смотрел на меня с жалостью, а его улыбка дарила надежду. Его забота и участие в тот день спасли меня от суицида, о котором я думала вполне серьезно, подбирая способ оказаться в котле ада. Я помню его сильные руки, прижимающие дрожащее не от холода тело к широкой груди. Помню, как его пальцы путались в мокрых прядях, глядя мою ноющую от боли голову...

— Так это ты от Сабурова тогда сбежала? – поинтересовался он, вернув меня в реальность.

Я не стала отвечать, вновь испытав ту адскую боль, от которой так долго пыталась избавиться. Мужчина оказался рядом и, сжав мое запястье в теплых пальцах, повел меня за собой. Спустившись вниз и оказавшись у черного тупомордого джипа, он распахнул дверь и помог мне сесть на переднее пассажирское сидение, а сам устроился в кресле водителя. Осмотрев мой профиль, он вжал педаль газа в пол, от чего автомобиль зарычал громко, лишая нас умиротворяющей тишины.

«Кадиллак» несся по абсолютно пустынной трассе, устремляясь к горизонту. Я смотрела в лобовое стекло, не видя ничего перед собой. Все как в мутном тумане, лишь прошлое можно было рассмотреть на сером асфальте.

— Как тебя зовут? – спросил мужчина, вновь повернув лицо ко мне.

— Александра, – оторвав взгляд от дорожного полотна, произнесла я, глядя в его монокромные глаза.

— А меня – Кирилл, – еле заметно улыбнулся он, рассматривая мое уставшее лицо. – Что молодая и красивая девушка делает рядом с господином Сабуровым? – поинтересовался он, окрашивая слово «господин» в оттенки фамильярности.

Отвернувшись к боковому окну, я тяжело вздохнула. Если бы мне ответили на этот вопрос, дабы внести ясность, может быть, мне удалось бы рассмотреть смысл в этой бесполезной жизни.

— Ты не ответишь на вопрос? – спросил Кирилл, все еще желая услышать ответ.

— Я – его жена, поэтому нахожусь рядом, – все же ответила я, не желая испытывать его терпение.

— Ну конечно, у богатых папиков – шикарные молодые жены, – хмыкнул Кирилл, а мне показалось, что его это задевает.

Взглянув в его глаза, я улыбнулась. Тринадцать лет я слышу подобные слова. За моей спиной всегда слышится завистливое змеиное шипение, ведь для окружающих я – продажная девка, разрушившая многолетний счастливый брак депутата Сабурова. Но все не так. Это он разрушил мою жизнь, спрятав ото всех в «золотой клетке». «Пришел, увидел, победил», – как сказал великий Цезарь, вот только не в моем случае. «Увидел, захотел, получил», – так случилось у нас. Дамир просто захотел меня, а у меня не было выбора.

Всею виной моя юношеская глупость и максимализм. Я так мечтала освободиться от тотального контроля отца, что погрузилась с головой в спорт, позарившись на постоянные сборы и разъезды. Но, ни в одном из выбранных мною видов у меня ничего не получалось. Все твердили в один голос, что я поздно спохватилась, решив стать великим спортсменом. Последним моим пристанищем стал тренажерный зал. Там не было возрастных ограничений и занудных тренеров, лишь вежливые, заинтересованные в тебе инструкторы. Меня увлек бодибилдинг, да так, что я, участвуя в различных соревнованиях, брала награду за наградой. Благодаря своему увлечению я получила известность в узких кругах, лучшего тренера, а самое главное – свободу. Постоянные соревнования, поездки за границу, для совместных тренировок с лучшими бодибилдерами мира освободили меня от контроля отца. Окончательно опьянев и одурев от свободы, я слетела с катушек: алкоголь, наркотики, секс, влиятельные мужчины, жаждущие соблазнительное рельефное тело. Одним из таких мужчин и стал Сабуров. Являясь спонсором престижных государственных соревнований, он пожелал, чтобы призовое место досталось мне. Судейское жюри, естественно, подчинилось. Дамир вручил мне золотой кубок, в виде накаченной девушки со штангой, и сертификат на круглую сумму денег, а затем пригласил отметить победу. А дальше все банально до безобразия: он просто напоил меня до беспамятства и получил мое тело во временное пользование.

Через два месяца, лишившись сознания в зале, мне поставили «диагноз» – беременность. Я до сих пор не знаю, откуда Сабуров узнал об этом недоразумении. А затем все, как в паршивом фильме: разочарованные взгляды родителей, свадьба и адская, ненавистная нескончаемая жизнь.

Вообще мне всегда казалось, что отец ненавидит меня, мечтая избавиться от обременяющих его родительских обязанностей. Вот мою младшую сестру родители любили больше жизни. Конечно, Машка была ангелом: и отличница, и умница. Кротость и смирение всегда являлись главными качествами ее миролюбивого характера. Марию любили все, и я в том числе, но моя ревность и скверный характер не позволяли нам быть достаточно близкими.

В семнадцать лет я стала женой тридцати пятилетнего Дамира Сабурова, вовсе того не желая. Вот с того дня и началась моя адская жизнь в «золотой клетке». Для начала он лишил меня увлечения, затем отрезал от внешнего мира, заперев в доме. Покинуть «золотую клетку» я могла лишь под пристальным взглядом Никиты, который стал моим личным телохранителем, затем получил статус друга, а позже я приняла решение, что он может не только хранить мое тело, но и доставлять ему удовольствие. Невыносимо было довольствоваться немолодым телом

Сабурова, тем более что он не способен был доставить удовольствие, так как ненависть к нему глушила все чувства и ощущения.

А вот моя беременность быстро окончилась. Лишив меня возможности посещать тренажерный зал, Дамир подарил мне домашний спортзал с бассейном, сауной, кучей тренажеров и любимого мною «железа». А я в знак признательности убила его ребенка при помощи этого самого «железа». Как только Сабуров уехал в очередную командировку, я провела изнуряющую трехчасовую тренировку, а затем помогла мышцам расслабиться с помощью сауны. Через час меня нашел Ник с кровотечением. Диагноз – выкидыш, меня устроил куда больше, нежели мой первый. Жаль, что от мужа нельзя было избавиться таким же легким способом.

— Могу я узнать, с какой целью ты лишил меня свободы? – утомившись от молчания, спросила я Кирилла.

— Да, конечно, – произнес он и уставился на дорожное полотно, прыгающее под колеса джипа, словно Анна Каренина – под движущийся состав.

Пауза затянулась, а я поняла, что он и не собирается отвечать на мой вопрос. Меня это жутко разозлило, и я поспешила поделиться своей версией происходящего:

— Ты – очередной стервятник, жаждущий оторвать ломоть от добычи моего мужа?

Кирилл скорчил такую физиономию, словно мои слова вызвали отвращение и брезгливость, но не стал отвечать на мою колкость, продолжая всматриваться вдаль.

— Значит, посадишь меня на цепь в подвале своего особняка? – спросила я, вздыхая.

— Если ты и дальше не будешь фильтровать базар, обязательно посажу, – улыбнулся Кирилл, взглянув на меня с нескрываемым интересом.

Натянув на голову капюшон, я опустила ее на мягкий подголовник и закрыла глаза, больше не желая говорить с ним. Кирилл тоже не произносил слов, позволяя реву двигателя присутствовать в салоне авто. Открыла я глаза, когда джип замер у высоких черных ворот, которые не спеша расползались в стороны, обнажая большой двухэтажный дом из красного кирпича. Он въехал на огороженную территорию, замерев напротив коричневых гаражных дверей. Кирилл, взглянув на меня, покинул салон и, обойдя кузов «Кадиллака», распахнул пассажирскую дверь. Оказавшись на улице, я вдохнула свежий воздух, пахнувший хвоей, и осмотрелась.

Мы вошли в просторный белоснежный холл с черной кожаной мебелью, угловатой формы. Я сразу обратила внимание на холодное оружие, украшающее стены. В принципе, обычный для мужчины интерьер. Никакого пафоса, лишь функционал предметов.

Кирилл сжал мое запястье в пальцах и повел к полукруглой лестнице из черного мрамора, ведущей на второй этаж дома. Как только мы поднялись наверх, он тут же распахнул передо мной первую на пути следования дверь и, подтолкнув меня вперед, тихо произнес:

— Твоя временная тюрьма.

Я вошла в просторную светлую комнату с невысоким подиумом, на котором стояла круглая алая кровать. Над ней возвышался зеркальный потолок, по периметру которого располагались длинные светодиодные лампы, окрашивающие его в разнообразные оттенки. Все это напоминало не комнату, а порно-студию, не хватало лишь камеры на штативе и осветительных приборов. Непонимающе взглянув на Кирилла, я демонстративно хмыкнула.

— Что это?

— Комната моей сестры, – улыбнулся он, глядя в потолок. – Не обращай внимания, она назло мне устроила это безобразие.

— У тебя есть сестра? – почему-то удивилась я, а он положительно кивнул. – И где она? – совершенно не веря Кириллу, спросила я и даже глаза слегка прищурила, чтобы рассмотреть правду.

— Вышла замуж за итальянца, живет в Турине с мужем и детьми, – невозмутимо объяснил он.

Я снова хмыкнула, так и не поверив услышанному и не рассмотрев правду на его лице. В этой комнате жить попросту невозможно, она годна лишь для кратковременных встреч с проститутками. Мне вовсе не хотелось здесь находиться, а тем более проводить ночи, но разве заключенный вправе выбирать «камеру для отсидки»?

Кирилл подошел к окну и, сдвинув легкий полупрозрачный тюль, обнажил французские окна в пол, занимающие всю противоположную кровати стену.

— Ты взгляни на вид из окна, — повернувшись ко мне, предложил он.

Сделав пару шагов вперед, я уставилась на горы, плотно покрытые темно зелеными соснами. Солнце аккуратно касалось их острых макушек, заливая вершины белым светом, словно булки — сахарной глазурью. Кирилл подошел ко мне и замер напротив, пристально глядя в глаза. Этот его соблазнительно хитрый прищур не мог не привлечь внимания. Я стояла неподвижно, заморожено глядя в глаза Кирилла. Его зрачки, расширяясь, словно ластиком стирали серый грифельный цвет роговицы. Он неожиданно вздрогнул, словно избавившись от гипноза, и поспешно направился к выходу.

— Запрещь меня на ключ? — спросила я только потому, что уж очень не хотелось оставаться в этой ужасной комнате в одиночестве.

— Нет, — повернувшись снова ко мне, покачал он головой. — Мне незачем тебя запирать.

— Ты не боишься, что я сбегу? — не могла я верить его словам.

— Не сбежишь, — уверенно произнес Кирилл.

— Ну да, в доме полно охраны... — начала я, но замолчала, глядя на его насмешливую улыбку.

— Не в охране дело, — вздохнул он. — Это твоя временная тюрьма, а она не так страшна, как каземат, в котором ты проведешь остаток своей жизни.

Глядя в его глаза с каким-то ужасом, я перестала дышать. Понимая, что он прав, я не могла укротить боль, внезапно очнувшуюся ото сна. Она заерзала в груди, недовольная незапланированным пробуждением, и стала ворочаться, выбирая позу поудобнее. Кирилл еле заметно кивнул и вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Ощущая, как слезы скатываются по щекам, я подошла к окну и, раздвинув его створки, еще раз осмотрела зеленые глазированные солнечным светом горы.

Я, сидя на краю кровати, смотрела на хвойные горные вершины, которые отражали лунный свет, будто потемневшее от времени старое зеркало. Сосны, словно серебристые наконечники пик, блестели от лунного сияния. Где-то под окном сверчок напоминал миру о наступившей ночи, периодически нарушая тишину. Наблюдая за луной, повисшей над самой горной верхушкой, я продолжала мучить себя мыслями, которые, словно разъедали мозг. Неожиданно я поднялась с кровати и направилась к выходу. Оказавшись в коридоре, освещенном квадратными маленькими лампочками, вмонтированными в стену у самого пола, я стала двигаться вперед, осматриваясь по сторонам. На этаже было всего четыре двери, одна из которых принадлежала моей «камере временного содержания». Дверь в самом конце коридора была заперта на ключ и отличалась ото всех своей громоздкостью. Две оставшиеся были одинаковы и располагались друг напротив друга. Выбрав одну из них, я беззвучно опустила ручку. Дверь бесшумно приоткрылась, и я вошла в большую просторную комнату. На тумбе, примыкающей к широкой кровати, горел тусклый ночник, а на самой кровати лежал Кирилл с закрытыми глазами. Я, стараясь не издавать звуков, подошла к тумбе и уставилась на смартфон, лежащий под абажуром ночника. Было неимоверно сильное желание покопаться в телефоне, но лежащие сверху наручные часы с золотым браслетом не позволили бы завладеть им незаметно. Кирилл пошевелился, а я замерла на месте, испуганно уставившись на его лицо. Он неожиданно открыл глаза и непонимающе посмотрел на меня.

— Ты чего? — шепнул он, приподнимаясь на локтях.

— Бессонница, – шепнула я в ответ.

Кирилл сел на кровати и потер лицо ладонями, пытаясь проснуться. Он снова взглянул на меня, пытаясь понять, чего же я от него хочу.

— Дать снотворное? – наконец-то спросил он, а я покачала отрицательно головой.

— Налей выпить, – попросила я, отступая от кровати.

Кирилл нахмурил лоб, но ничего не сказал. Поднявшись на ноги, он подошел к банкетке и, стянув с нее белые спортивные брюки, поспешно натянул их на бедра. Я, стоя неподвижно на месте, пялилась на его накаченную соблазнительную спину, заморожено и практически не дыша. Он повернулся ко мне и, кивнув, направился к выходу. Я последовала за ним.

Мы спустились на первый этаж и, преодолев расстояние от лестницы до больших раздвижных дверей из мутного стекла, вошли на кухню. Черный гляцевый гарнитур на фоне белых стен, потолка и пола смотрелся изысканно и строго. Подойдя к черному стеклянному столу, я села в белое бархатное кресло, стоящее на черных высоких ножках, и опустила руки на гляцевую столешницу, напоминая смущенную первоклашку. Кирилл тем временем извлек из стеклянного буфета бутылку рома и два невысоких стакана. Опустив их на стол и наполнив янтарной жидкостью, он сел напротив, придвинув один из стаканов ближе ко мне. Я залпом осушила его и, скривившись от крепости напитка, посмотрела в глаза Кирилла, которые неимоверно влекли своей бесцветностью. Он, глядя на меня, сделал небольшой глоток и вернул стакан на стол.

— Ну как, полегчало?

— Почти, – ответила я, придвинув стакан к бутылке, тем самым намекая на необходимость его наполнения.

Кирилл так и сделал, незамедлительно наполнив его ромом и кивнув мне. Я и в этот раз не стала тянуть время и быстро избавила стакан от обжигающей жидкости.

— Сабуров позволяет тебе пить? – спросил неожиданно он, наблюдая за моей славной и стремительной попойкой.

— Я не спрашиваю у него позволения, – холодно произнесла я и, ухватив бутылку за короткое горлышко, наполнила стакан до самых краев, подавая пример щедрости хозяину дома.

— Так и спиться недолго, – вздохнул Кирилл, сделав очередной глоток рома.

Недовольно фыркнув, я опустошила стакан, наконец-то ощутив желанную легкость.

— Перед исполнением супружеского долга тоже пьешь? – спросил он с улыбкой.

— Нет. Мой муж слишком хорош в постели, чтобы разбавлять ощущения алкоголем, – сказала я лишь потому, что Кирилл попал в самую точку.

Он хмыкнул и опять же улыбнулся, всем своим видом выказывая недоверие к моим словам.

— Так что тебе нужно от моего мужа? – не желая продолжения больной для меня темы, спросила я.

— Твой муж многое на себя берет, – вздохнул Кирилл. – Невозможно усидеть на нескольких стульях одновременно...

— Это все вода, – покачала я отрицательно головой, – я хочу конкретики.

— Это мужские дела и тебя они не касаются, – попытался убедить меня он.

— Если они меня не касаются, почему бы тебе вместо меня не похитить моего муженька? – раздраженно спросила я.

— Он, не так красив, как ты, – Кирилл снова прищурил хитро глаза, привлекая к ним внимание.

— Я не нуждаюсь в лести, – холодно произнесла я, придвигая бутылку ближе к себе, – Я знаю себе цену, знаю, что я красива, но все это не значит, что я глупа.

— Я ничего такого и не имел в виду... – растерялся он.

— Тогда будь добр, посвяти меня в ваши дела, которые непосредственно коснулись меня, – перебила я Кирилла.

Он помолчал несколько минут, делая глоток за глотком, затем вздохнул и пристально посмотрел в мои глаза.

— Твой благоверный совсем недавно на фальшивых торгах приобрел ликеро-водочный завод, на который я имел виды, – наконец-то соизволил объяснить Кирилл.

— На фальшивых торгах? – не поняла я, от чего лицо мое приобретало постепенно хмурый вид.

— Да, всех участников кинули, так как Сабуров, пользуясь своим служебным положением, приобрел завод еще до официального начала торгов. Я считаю это, по меньшей мере, несправедливо и непорядочно. Да дело даже не в порядочности и справедливости, – качнул он головой, – а в том, что эта мразь вконец оборзела. Этот беспредел уже достал меня. Когда-нибудь он отправится на нары, я все для этого сделаю.

Я пристально смотрела на злое лицо Кирилла, не веря своим ушам. Неужели есть надежда обрести свободу вновь, избавившись от мужа? Об этом можно лишь мечтать, даже не надеясь на исполнение этой самой заветной мечты. Нары уж точно не светят Сабурову, избавиться от него, похоже, возможно лишь с помощью осинового кола, вбив его в грудь этого дьявола. Но благодаря сказанным Кириллом словам, я поняла, что готова на многое, дабы помочь ему исполнить мечту одну на двоих.

— Значит, моя цена – это какой-то заводик? – спросила я, чтобы отвлечь себя от бесполезных иллюзий.

— Этот, как ты выразилась, заводик приносит в год такую прибыль, что даже твоему муженьку столько не снилось, – насмешливо хмыкнул Кирилл. – Так что, если ты ему действительно дорога, он заплатит очень большую сумму за твою свободу.

— А если нет? – тихо спросила я, всматриваясь в его глаза.

— Никакого «если» и быть не может...

— Почему?

— Существует легенда, – загадочно улыбаясь, начал Кирилл, – что Сабуров и душу Сатане продаст за свою жену.

— Ему нечего продавать... – произнесла я почти шепотом, уставившись на свой осиротевший пустой стакан. – Это всего лишь легенда...

— Сандра, – шепнул Кирилл, а я подняла на него глаза.

Он так и не решился больше ничего сказать, тяжело вздохнув. В его монохромных глазах отчетливо виднелась жалость, и от этого сердце сжимала ноющая хроническая боль.

Шел пятый день моего заточения во временной тюрьме, которая на самом деле стала спасением. Слова Кирилла о моем вечном каземате были истиной в последней инстанции. Я не могла представить себя в стенах ненавистного мне дома, но, если верить его словам, я очень скоро именно там и окажусь. Сабуров согласился передать завод Кириллу и уже готовил документы на его отчуждение. Хотелось выть от душевной боли, слушая этот жестокий приговор, но у меня не было права выбора, ведь пешку всегда первой подставляют под удар.

Вечером я вышла из комнаты в поисках хоть какого-то приключения. Снова двигаясь по коридору, я пристально смотрела на запертую дверь, которая манила своей громоздкостью и таинственностью. Оказавшись совсем рядом, я медленно опустила ручку и замерла. Дверь, поддавшись, приоткрылась. Не желая больше медлить, я вошла в просторную комнату, которая на самом деле оказалась обычным кабинетом. У большого окна стоял такой же большой антикварный стол, за которым сидел Кирилл. Отлучив взгляд от ноутбука, он уставился на меня, словно на привидение. Всматриваясь в лицо, он как будто все никак не мог поверить в то, что я – это я. Толкнув дверь, продолжая наблюдать за Кириллом, я подошла ближе к столу.

— Это действительно ты, – шепнул он, словно в бреду, а я нахмурилась.

Кирилл повернул ноутбук ко мне экраном, демонстрируя фотографию с конкурса. Бело-снежный купальник бикини на смуглом маслянистом теле и золотая девушка со штангой в руках напомнили о Сабурове и его подлости. Я подняла непонимающий взгляд на него, желая понять, что так поразило этого мужчину в данном ничем непримечательном фото?

— Под твоей толстовкой действительно гора этих стальных мышц? – спросил Кирилл не в силах поверить своим же глазам.

Не произнося ни слова, я расстегнула джемпер и, стянув его с плеч, кинула себе под ноги. Затем я избавилась от футболки и спортивных брюк, оставшись лишь в спортивном нижнем белье. Дыхание Кирилла стало тяжелым и громким. Так обычно дышали мужчины, испытывая физические перегрузки либо сильное возбуждение. Поднявшись с кресла, он тут же оказался рядом. Его взгляд держал лицо в своей власти, лишая меня подвижности. Протянув руку, Кирилл коснулся моей щеки кончиками пальцев, всматриваясь в глубину глаз. Я все еще стояла неподвижно, испытывая сильное возбуждение от этого взгляда, полного вожделения, от его глубокого дыхания, от его желания... Ладонь скользнула вниз, коснувшись груди, затем пресса устремляясь к бедру. Я ощущала дрожь своего тела от прикосновений. Мое дыхание стало ускоряться, стараясь подстроиться под дыхательный ритм Кирилла.

Резко схватив меня за плечи, он дернул тело на себя и, прижав его к груди, впился поцелуем в губы. Я издала громкий стон блаженства, ощущая, как низ живота наполняется жаром. Кирилл продолжал целовать губы, скользя руками по рельефному телу, а я поспешно пыталась лишиться его брюк, не в силах больше терпеть желание. Неожиданно он отстранился и, сжав в пальцах пульсирующее запястье, подвел меня к столу. Смахнув канцелярские принадлежности на пол, он развернул меня спиной к себе и, резким движением, вцепившись пальцами в шею, нагнул тело на стол, прижавшись своими бедрами к моим ягодицам.

Резкие грубые толчки сопровождалась моими громкими бесконечными стонами. Пальцы до онемения сжимались на краю столешницы, а я кусала до боли губы, дрожа от неимоверного возбуждения, которого, казалось, никогда ранее не испытывала. Кирилл, впиваясь пальцами в косые мышцы живота, продолжал двигаться быстро, даря наслаждение и боль, которая поглощала без остатка и тело, и душу. Отстранившись, он развернул меня к себе и, усадив на край стола, снова прижался бедрами вплотную, вызвав блаженный стон. Я сжала пальцы до боли на его руках, а он, наклонившись к лицу, впился в губы, иногда покусывая их от сильного желания и страсти. Казалось, мое сердце просто разорвется в клочья от сумасшедшего ритма сокращений. Дыхание и вовсе не подчинялось, продолжая набирать обороты и причиняя боль легким. Кирилл пристально смотрел в мои глаза, а я кусала собственные губы, ощущая пик наслаждения, сдавливающего прессом мышцы до онемения и жжения. Еще несколько его движений и из моей груди вырвался громкий стон. Я откинулась на стол, чувствуя, что задыхаюсь, что легкие не способны поглотить большой объем кислорода, жадно вдыхаемый мной. Кирилл опустил сверху, прижимаясь своей мокрой кожей ко мне и касаясь губ поцелуем.

Совладав со сбившимся дыханием и отстранившись, он помог мне подняться со стола, сжимая пальцы на руке. Стоило моим ногам коснуться пола, как Кирилл вновь притянул влажное тело к себе ближе и заключил его в крепкие объятия. Горячие ладони продолжали скользить по телу, от чего его дыхание опять набирало обороты, ускоряясь. Касаясь изогнутой от возбуждения поясницы, его пальцы путались в моих волосах, струившихся по влажному и напряженному телу. Неожиданно мобильный Кирилла напомнил о себе, изображая какую-то знакомую мне мелодию. Тяжело дыша, он все же нашел в себе силы отстраниться и сдвинуться с места, обходя неудобно расположенный длинный стол. Стараясь не смотреть на меня, дабы иметь возможность принять, понять и усвоить доносимую информацию, Кирилл повернулся к окну, что-то тихо буркнув в микрофон. Спешно втиснув все еще потное от секса тело в поднятые с пола вещи, я покинула кабинет, вернувшись в комнату.

Упав на кровать, я закрыла глаза, наслаждаясь ощущениями, которые продолжали доставлять удовольствие, но это наслаждение было жестоко прервано негромким стуком в дверь. Не поднимая головы, я открыла глаза, взглянув на зеркальный потолок, отражающий всю комнату целиком. Дверь приоткрылась, и в помещение не торопясь вошел Кирилл, и сразу же устремил свой взгляд в сторону окна, наверно, чтобы не смотреть на недавно удовлетворенное им тело, все еще вызывающее сильное сексуальное желание. Он подошел к раздвинутым створкам и уставился на горные вершины. Его тяжелый вздох меня насторожил, пробуждая испуг, так долго дремлющий в своей берлоге. Кирилл так же неспешно повернулся ко мне и, оказавшись у кровати, опустил на самый ее край.

— Сабуров передал документы... – тихо скал он, не глядя на меня. – Завтра утром ты вернешься к нему.

Кирилл поднялся с кровати, а я так и осталась неподвижно лежать, рассматривая испуг, застывший на лице, отражающийся в зеркальной потолочной плитке.

— Отлично, – шепнула я, ощущая слезы в глазах.

Всю ночь я провела без сна. Бессонница лежала рядом, не желая оставлять меня наедине с гнетущими мыслями. Предстоящая встреча с мужем не позволяла расслабиться. «Неужели я надеялась на то, что Сабуров откажется от меня в пользу этого злосчастного завода?» – спрашивала я себя, мучая утомленное сознание.

Небо стало светлым, а вскоре и солнце показалось из-за горной вершины. Я лежала, все так же неподвижно, нервно покусывая нижнюю губу с каждым разом все сильнее сжимая ее кожу зубами. В дверь негромко постучали. Мое апатичное тело никак не отреагировало на звук, все так же лежа поверх красного покрывала недвижимо. Глаза всматривались в бледное лицо, на котором был так заметен страх перед неизбежностью. В комнату вошел Кирилл и, мельком взглянув на меня, подошел к окну, вот только в этот раз прекрасный пейзаж не заинтересовал его. Быстро потеряв к нему интерес, он вернулся к двери и, взявшись пальцами за ручку, бросил как-то небрежно:

— Нам пора...

От охватившего тело испуга, я широко распахнула глаза и, усевшись на кровати, пристально посмотрела на Кирилла. Он старательно прятал взгляд, будто запрещал себе смотреть на меня, будто испытывал неловкость и стыд.

— Ты отдашь меня ему? – неожиданно спросила я голосом, обнажающим панику.

— Сандра, – тихо обратился он ко мне, все же скользнув взглядом по лицу, – я поставил условие, и Сабуров его выполнил... Я не могу...

— А ты сомневался? – удивилась я, подскочив с кровати.

— Я не знал, что его жена молодая и красивая...

— Ты думаешь, он бывшую жену оставил бы тебе на растерзание? – не поверила я услышанному.

— Нет, – снова посмотрел он в сторону окна, – мне было бы все равно...

Оказавшись рядом с Кириллом, я сжала пальцы на его руках и осмотрела лицо в поисках жалости к моей нелегкой судьбе.

— Придумай что-нибудь, – попросила я дрожащим голосом.

Кирилл заглянул в глаза и, высвободив руки из моих дрожащих пальцев, отступил назад, качая головой.

— Нет, я не хочу, – произнес он холодно, вновь пряча от меня взгляд. – Поехали, Александра, – добавил Кирилл, выходя из комнаты.

Я не могла поверить в происходящее. Все словно во сне. Какие-то жалкие обрывки воспоминаний навсегда въелись в память, словно ржавчина – в кусок металла, – его отстраненный взгляд, когда он садил меня в синий седан, закрывая дверь... его ревущий «Кадиллак», пре-

следующий нас... и мое сердце, которое билось, ускоряясь с каждой минутой, приближающей встречу с тираном.

Седан, прижавшись к обочине безлюдной трассы, замер. Джип Кирилла пронесся мимо и, резко затормозив в метрах пяти от нас, свернул на еле заметную в траве проселочную дорогу. Я нервно продолжала кусать губу, сдерживая душащие слезы, не позволяя им показаться на глазах. Еще несколько минут ожидания и вдалеке показался «Тахо», а я перестала дышать, все еще не веря в реальность происходящего. Хотелось бежать без оглядки куда-нибудь в лес, который тянулся вдоль всей загородной магистрали.

Джип Сабурова замер в нескольких метрах от нас. Из салона выбрался водитель в белоснежной рубашке и черном галстуке и, распахнув заднюю дверцу, сделал шаг в сторону. Когда я увидела Дамира, тело содрогнулось от ужаса. Водитель моего седана тоже оказался на улице и, распахнув дверь с моей стороны, равнодушно произнес:

— Выходи.

Подчинившись и выбравшись из авто, я ощутила дрожь в ногах, словно после приседа со штангой. Мышцы сводило и жгло с такой силой, что я не могла сдвинуться с места. Все же мне пришлось направиться в сторону моей вечной тюрьмы с жестоким надзирателем. Сабуров двигался мне навстречу, стремительно преодолевая расстояние, которое всегда представляло для меня особую ценность. Оказавшись в его объятиях, я все же не смогла сдержать слезы. Естественно, Дамир решил, что плачу я от счастья и долгожданной встречи, а мне хотелось кричать на весь мир о том, что ненависть к нему дожигает мое тело, причиняя нестерпимую адскую боль. Когда Сабуров отстранил меня от своей груди, мой взгляд выхватил из густых зарослей леса «Кадиллак» Кирилла. Он, сидя неподвижно, крепко сжимал рулевое колесо, пристально глядя на нас исподлобья. Забыть этот взгляд негодования я уже никогда не смогу. То, что видели его глаза, несомненно, злило Кирилла, давая понять, что сам он не одобряет свой же поступок, что решение было принято им вопреки его желанию. Но его душевные стены никак не могли облегчить мою участь.

— Маленькая моя, не плачь, – с фальшивой нежностью в голосе, произнес Дамир. – Все хорошо.

«Нет. Не хорошо!» – крикнула я мысленно, глядя в его жестокие черные глаза.

— Ты в порядке? – спросил участливо муж, поспешно осмотрев меня с головы до ног, словно надеялся обнаружить нехватку какой-то части тела. Не желая отвечать, я отстранилась от Сабурова и направилась к внедорожнику, сжимая кулаки, дабы унять сильную дрожь от раздражения. – Стерва, – зло прошипел он мне в спину, понимая, что ничего не изменилось в моем отношении к нему.

Войдя в дом, я замерла у двери, уставившись на снова жующую какую-то булку в сахаре Алию. Она с ненавистью посмотрела на меня и, брезгливо скривившись и сглотнув пережеванный кусок, прошипела зло:

— А я надеялась, что ты сдохнешь в плену. И на кой черт отец приволок тебя снова сюда? – задала она непонятно кому вопрос, давась собственным ядом.

— Заткнись, сука, – прошипела я с ненавистью, глядя на ее толстые розовые щеки, не в силах больше держать свои эмоции в узде.

— Надеюсь, тебя держали, как собаку на цепи, в сыром грязном подвале, – продолжала извергать яд она, – без еды и воды...

— Я убью тебя! – повысив голос, я успела сделать всего пару шагов в ее сторону, как моя рука оказалась зажатой в горячих человеческих тисках.

— Замолчи, стерва! – прошипел мне в затылок Сабуров, с силой сжимая пальцы, больно впивающиеся в нежную кожу.

Лицо Алии светилось от счастья, а меня это жутко бесило, снова заставляя подрагивать.

— Когда-нибудь твой папочка не успеет спасти тебя... – снова прошипела я, с отвращением взглянув на ее круглый живот.

Дамир дернул мое тело, резко развернув к себе. Его взгляд, полный ненависти, уничтожал нервные клетки, делая из меня озлобленное запуганное существо.

— Ты не стоишь тех денег, что я отдал за тебя, – произнес он, продолжая сжимать пальцы на стремительно немеющей мышце. – Не смей даже приближаться к ней, иначе я закопаю тебя в саду, под будкой твоей тупорылой псины.

— Давай, – зло улыбнулась я, глядя в его глаза с вызовом. – Надеюсь, он сожрет тебя, когда ты пьяный придешь помянуть меня на могилу...

Взбесившись от этих слов, Сабуров замахнулся и, ударив меня по лицу ладонью, прошипел сквозь зубы:

— Иди к себе! – указал он рукой в сторону лестницы.

Одарив его, а затем и Алию, злобным взглядом, я стала быстро подниматься по ступеням, желая оказаться наедине с собой. Весь оставшийся день я не выходила из комнаты. Уткнувшись в подушку, я плакала горько и отчаянно, мечтая о свободе, которая, похоже, вообще не существовала на этой земле.

На город опустилась ночь, накрыв бархатным черным сукном его жителей с головой. Сегодня Сабуров не пришел ночевать в нашу комнату, а меня это только обрадовало. Дождавшись, когда обитатели серпентария уснут, я вышла из комнаты и, спустившись вниз, направилась на кухню. Распахнув холодильник, я достала большое зеленое яблоко и длинную палку колбасы, которую наверняка в дом приперла беременная курица, Алия. Она вечно ела всякую гадость, толстая на глазах и раздуваясь вширь, словно воздушный шарик.

Распахнув двери, ведущие в сад, я вышла на улицу и подняла лицо к звездному небу. Приятно пахло прохладой и влажностью. Подойдя к будке, у которой лежал черный алабай с белоснежной грудью, я опустилась на газон рядом с ним. Барон тут же поднял голову, с каким-то человеческим удивлением взглянув на меня.

— Привет, – шепнула я ему и протянула палку колбасы.

Он аккуратно изъел ее из моей руки и положил на траву, у своих громадных лап. Барон лизнул мою руку горячим влажным языком, уткнувшись в нее носом.

— Если б ты сожрал его, нам с тобой не пришлось бы, вечно сидеть на цепи, – тихо произнесла я, глядя в его глаза с человеческой грустью.

Барон фыркнул носом, и принялся пожирать колбасу, чавкая от удовольствия. Сабуров всегда побаивался пса и практически никогда к нему не подходил. Будучи пьяным, он имел неосторожность приблизиться к алабаю, который на дух не переносил запах алкоголя. Барон в гневе сорвался с цепи, кинувшись на Дамира и вцепившись ему в руку клыками. Сабуров успел выхватить пистолет и выстрелить в пса. Я никогда не забуду, как Барон, словно разъяренная машина для убийств, мертвой хваткой сжимал руку Дамира, рыча то ли от боли, то ли от злости. Оттянули его трое ребят из свиты Сабурова, принудительно разжав пасть. Только благодаря мне пса оставили в живых. Дамир хотел его пристрелить, как дикое животное, но мои слезы его тронули, и он оставил ни в чем неповинное животное в покое. С тех пор Барон любил меня до безумия, никого к себе не подпуская. Вся забота о нем легла на меня. Я помню, как ночами выходила в сад, чтобы сменить повязку на его ранении, а он вылизывал мои руки и лицо в знак благодарности. Да, я могла бы спустить его с цепи и, указав рукой на Сабурова, произнести заветное «Фас!», но я не могла придать Барона, послав на верную гибель. Он бы вмиг порвал Дамира в клочья, но не прожил бы после этого и нескольких минут, так как был дан приказ: убить при очередном проявлении агрессии.

В очередной раз откусив кусок от яблока, я взглянула на Барона, уничтожившего колбасу и блаженно облизывающегося слюнявым розовым языком. Протянув ему оставшуюся половину яблока, я улыбнулась, глядя как его большие клыки впиваются в сочную хрустящую

мякоть. Он снова принялся чавкать, жуя сладкий плод и заглушая аппетитным звуком стрекотание сверчка, держащего осаду уже не первый месяц куста розовой гортензии. За спиной послышалось шуршание газонной травы, а я поспешно обернулась. Ко мне приближался Ник с двумя кружками чего-то парящего в руках.

— Привет, – сказал он тихо, усаживаясь рядом со мной.

— Привет, – вздохнула я, глядя, как Барон напрягся всем телом, наблюдая за Никитой. – Нельзя, – сказала я псу и опустила руку на его большую безухую голову.

Ник протянул мне кружку с ароматным кофе, пар которого устремлялся вверх, к фонарю. Сделав глоток, я с ожиданием взглянула на него.

— Ну, как ты? – спросил он, поглядывая на хищный взгляд алабая.

— Лучше и быть не может, – соврала я, отпив кофе из кружки.

— Как тебе Хромов? – прищурил Никита хитро карие глаза.

— Кто?

— Кирилл Алексеевич, – хихикнул отчего-то он.

— Ах, этот... – задумалась я, ощущая боль при воспоминании о Кирилле. – Никак.

— Он с тобой хорошо обращался? – не унимался Никита, продолжая допрос явно не для протокола.

— Отвратительно. Держал на цепи, как собаку, – снова соврала я, грустно взглянув на Барона. – Слушай, – начала я, гоня грустные мысли прочь, – не знаешь, когда Сабуров едет в очередную командировку?

— Знаю, – Ник довольно улыбнулся, – через три дня летит во Владивосток на неделю.

— Отлично, – обрадовалась я.

— Ты что задумала? – он насторожился, все сильнее щуря глаза.

— Ничего особенного, – пожалала я плечами, – хочу напиться до положения риз в баре, ну, или в клубе, без разницы.

— Я в этом не участвую, – замотал головой испуганный Никита. – Алия следит за нами, ты не заметила? – шепнул он как можно тише. – Словно что-то подозревает. Потом все папочке доложит. Не хочу, чтобы Сабуров меня под будкой Барона закопал, – кивнул он в сторону спящего пса.

— Это вряд ли, – вздохнула я тяжело, – он мне обещал это место, – улыбнулась я, коснувшись колена Ника.

— Дура, – недовольно скривился он, – нашла чему радоваться.

— Скорее бы эта курица разродилась... – мечтательно начала я свою речь, а Никита меня перебил с нетерпением.

— Для чего?

— Как только ребенок появится на свет, я смогу укоротить поводок Алии метра эдак на два, как минимум...

— Когда тебя не было, она искала документы в вашей комнате, – шепнул он, наклонившись как можно ближе к моему уху. – Папаша ее застукал за этим грязным делом, ей несладко пришлось, – Ник игриво подмигнул.

— Ну, как можно быть такой идиоткой? – искренне удивилась я. – Неужели она, и правда, думает, что я компромат прячу под носом Дамира?

Барон настороженно поднял голову и уставился за наши спины, мы резко замолчали, обратив внимание на оживившегося пса. Он поднялся на лапы и стал рычать, приподнимая щеки и обнажая острые блестящие клыки, глаза его светились в свете фонарей каким-то неоновым-синим цветом.

— Успокой свою псину, пока я не пристрелил ее, – послышался угрожающий голос Сабурова за нашими спинами.

— Нельзя, – сказала я, взглянув на Барона. – Фу!

Он недовольно покосился на меня и, развернувшись, зашел в будку, выражая тем самым пренебрежение к моей покорности. Я поднялась с травы и, обернувшись, взглянула на Дамира.

— Иди в кровать! – приказал он, зло глядя то на меня, то на Ника.

Я ничего не сказала, направившись в дом, хотя уж очень хотелось прошипеть в ответ что-то эдакое, цепкое и гадкое.

Пережив эти три дня до отъезда Дамира, я с облегчением вздохнула, когда он, прихватив чемодан, укатил в аэропорт. Я поспешно нанесла макияж и, надев самое короткое платье, что имелось в моем гардеробе, выглянула за дверь. Подкравшись к лестнице, я взглянула на сидящую на диване перед телевизором Алию. Она жевала гигантских размеров бутерброд, пялясь в плазменный экран. Недовольно скривившись, я направилась в ее комнату, раздраженно пофыркивая, уподобляясь Барону. Распахнув настежь дверь, я пристально посмотрела на Артема, уставившегося на меня с искренним удивлением. Немного отодвинув от себя ноутбук, словно машинально, он опять поместил на меня свои глаза. Войдя в комнату полностью, я плотно закрыла за собою дверь, с отвращением взглянув на большого мягкого кота, сидящего на супружеском ложе.

— Забери свою ненормальную женушку из гостиной, – повернувшись снова к Артему, произнесла я.

— Что значит, забери? – опешил он, поднимаясь с кресла. – Она что, вещь?

— То и значит, – не ответив на его глупый вопрос, скривилась я. – Уложи ее спать, уже поздно.

— Да она что, ребенок маленький, чтобы я ее спать укладывал? – Артем приподнял удивленно брови, рассматривая мое лицо, как будто пытался отыскать на нем признаки какого-то тихого помешательства.

— Слушай, – начала я угрожающе, уперев руки в бока, – Сабуров ведь не навсегда уехал. Очень скоро он вернется, а я могу не сдержаться и выдать вашу маленькую тайну. Знаешь, я в последнее время стала совершенно несдержанной и к тому же очень болтливой, а секреты и вовсе хранить не умею с детства...

— Да что я могу сделать?

— Да что угодно! – разозлившись, повысила я голос. – Трахни ее, но убери с глаз долой!

— Она же беременная, – с каким-то отвращением сказал Артем, скривившись.

— Это не моя вина, – хмыкнула с насмешкой я.

— Ладно, – вздохнул он, направляясь в сторону выхода.

— И сделай так, чтобы она до утра не выходила из комнаты.

— Ладно, – повторил Артем с идентичным вздохом.

Вернувшись в свою комнату, я взяла ботильоны на высоком каблуке в руку и, прижавшись спиной к двери, стала прислушиваться к звукам. Очень скоро Артем и Алия закрыли дверь в свою комнату, а я покинула свое убежище. Оказавшись на газоне, я сунула ноги в ботильоны и направилась к калитке, за которой уже стояло авто Никиты.

Час езды, и мы были у бара Крем-сода. Войдя в просторное помещение, утонувшее в полутьме, я уселась на высокий барный стул, вдохнув такой сладкий аромат свободы. Молодой бармен, подойдя ко мне, дружелюбно улыбнулся и кивнул.

— Добрый вечер, – сказала я, навалившись торсом на барную стойку, – налей-ка мне бурбон, – подмигнула я бармену, который положительно кивнул, ринувшись к полкам с бутылками.

Спустя минуту, он положил передо мной пробковую подставку, а на нее опустил стакан из толстого стекла с квадратным дном и круглым ободком сверху. Довольно улыбнувшись, я облизнула губы, предвкушая исполнение мечты, и коснулась холодного стекла стакана. Обжигающая жидкость не спеша стекала по пищеводу в желудок, оставляя после себя горечь и жар.

Тело мгновенно расслабилось, а я снова вдохнула прохладный воздух кондиционера и, опустив веки, попыталась насладиться временным освобождением из-под ига сатрапа.

Спустя час я была уже достаточно пьяна и скорее всего не от алкоголя, а от крепкой выдержанной независимости. Бармен снова поставил на подставку стакан, наполненный какой-то желтовато-коричневой жидкостью. Мне уже было все равно, что пить, главное дабы напиток был как можно крепче и забористее.

— Привет, – послышался слева голос, доставивший неудобство и вызвавший отрезвляющий эффект.

Заранее нахмурив лоб, я повернула лицо в сторону звуковых колебаний и замерла. Рядом сидел Кирилл. Он, грустно улыбнувшись, заглянул в мои удивленные глаза. Стиснув зубы, я тут же резко отвернулась, уставившись на бармена, который в тот момент казался более реальным. Сердце билось быстрее, заставляя вдыхать чаще, а моргать реже. Руки задрожали, а я ощутила жгучую ненависть в груди, которая в паре с алкогольным жжением будоражила эмоции. Лишив стакан странного цвета жидкости, я извлекла из клатча кредитку и, кинув ее на стойку, кивнула наблюдающему за мной бармену. Когда он вернул мне золотистый кусок пластика, я спрыгнула с высокого стула, стараясь сохранить равновесие, стоя на высоких каблуках. Мельком взглянув на Хромова с ненавистью, я поспешила покинуть бар, но он не позволил мне далеко уйти, догнав меня у самого выхода, когда я уже успела взяться за дверную ручку.

— Сандра, постой, – попросил он, разворачивая мое пьяное тело к себе передом.

— Убери руки от меня, – прошипела я в ответ, захлебываясь ядом.

— Давай поговорим, – предложил Хромов, а я зло улыбнулась.

— О чем с тобой говорить? – прищурила я глаза и повторила: – Убери руки...

— О том, что произошло, – произнес он, продолжая крепко держать меня за руку.

— А что произошло? – нахмурилась я, ловко изображая идиотизм.

Хромов пристально смотрел в глаза, а его пальцы теряли былую силу, постепенно ослабляясь. Он сунул руки в карманы брюк и отступил назад, обреченно качнув головой. Я смотрела в его глаза, парализующие тело, понимая, что не могу уйти. Сделав шаг на встречу, я окунулась в омут объятий, лишаясь бдительности и здравого разума в одночасье. Кирилл жадно целовал губы, прижимая дрожащее от возбуждения тело к себе как можно крепче и плотнее...

Распахнув глаза, я судорожно осмотрелась. Мое тело находилось в кровати Кирилла, а за окном, выжигая все живое, палило солнце. Я вспомнила о Никите, который остался где-то у бара, вспомнила об Алие, которая жаждет моей смерти, и о Сабурове, который очень скоро узнает о том, что я не ночевала дома. Подскочив с кровати, я стала натягивать на тело белье, нервно покусывая кожу губ. Из ванной комнаты вышел Хромов, уставившись на меня с удивлением. Втиснувшись в платье, я повернулась к Кириллу.

— Что-то произошло? – спросил он тихо, не в силах обнаружить причины спешки.

— Зачем ты меня сюда привез? – с дрожью в голосе спросила я.

— Ты сама согласилась... – начал Кирилл, но заметив мой недовольный взгляд, замолчал.

— Я была пьяна, – раздражаясь от его глупости, произнесла я злым голосом. – Ты уничтожил меня, – шепнула я, сунув ноги в ботильоны.

— Сабурова нет в городе, – напомнил Хромов, чем еще больше разозлил меня.

— Сабуров не единственный мой враг! – повысила я голос, окончательно лишившись самообладания.

Кирилл, тут же оказавшись рядом, схватил меня за плечо и прошипел:

— Не смей повышать на меня голос.

— Не смей прикасаться ко мне, – прошипела я в ответ.

— Уходи, – зло произнес он, разжимая пальцы.

Фыркнув, я покинула его комнату, а затем и дом.

Такси неслось по уже знакомой трассе, а я нервно теребила свои пальцы, в ужасе думая о последствиях моего загула. Войдя в дом, я замерла на месте. Из кухни выплыла Алия и, взглянув на меня своим злобным взглядом, развернула шоколадную конфету и сунула ее в рот целиком.

— Когда вернется отец, – чавкая, начала она свою речь, – он убьет тебя, – Алия довольно улыбнулась своим же словам.

— Углеводы разрушают мозг, – произнесла я, словно пытаюсь объяснить ее бредовые речи.

— Ага, – кивнула она, не убирая улыбку с лица, – но ты все равно сдохнешь раньше. Он уже знает, что ты не ночевала дома, шляясь по мужикам.

От ее слов все похолодело где-то в области сердца.

— Это ты ему донесла? – из последних сил держа себя в руках, спросила я.

— К сожалению, я не успела ему донести... – начала Алия ехидно, а я, не имея больше сил бороться с пагубным желанием: причинить ей боль, сдвинулась с места.

Улыбка Алии испарилась с лица, она отступила назад, наткнувшись на кухонную дверь. Оказавшись рядом, я вцепилась в ее руки, впившись пальцами в плоть. Алия завизжала, словно ее режут, а я сжала пальцы еще сильнее, вонзая ногти в кожу. Кто-то вцепился в мои руки, отдирая их от Алии.

— Отпусти ее, – прошипел прямо в правое ухо Никита. – Ты с ума сошла?

Опомнившись, я разжала пальцы, оказавшись в руках Ника. Алия с ужасом осмотрела свою окровавленную от царапин кожу, тяжело дыша и периодически вытирая слезы с пухлых алых щек.

— Если скажешь хоть слово Сабурову, я сдам тебя, – прошипела я, глядя на нее исподлобья.

— Хватит, – сказал Никита и, схватив меня за руку, потянул на кухню. – Ты ума лишилась? – спросил он, когда мы оказались в саду у будки Барона. – Полный дом охраны, они все донесли бы Дамиру. Ты хоть представляешь, что было бы, узнай он о твоих выходках?

— О каких выходках? – сделал я удивленное лицо, коснувшись ладонью морды алабая.

— Она полная идиотка, но провоцирует тебя очень умело, – вздохнул он тяжело. – Не обращай на нее внимания, и уж тем более руки держи при себе, у вас силы неравные.

— У меня нет больше сил, держать себя в руках, – опуская тело на газон, сказала я.

Барон тут же увалился рядом со мной, вытянувшись вдоль моего тела.

— Куда ты делась ночью из бара? – спросил Ник, уставившись на меня.

— Не помню, – соврала я, не желая говорить с ним на эту тему. – Я перебрала немного...

— И что?

— Ничего, – скривилась недовольно я, повернув к нему лицо, – я заблудилась.

— Ты знаешь, что Сабурову уже сообщили, о том, что тебя не было ночью в доме?

— И что? – вздохнула я, повторив за Никитой многозначительный вопрос.

— Ничего. Теперь тебя не выпустят из дома до его приезда.

— Что? – раскрыла я рот от искреннего удивления.

Как же меня это разозлило. Быстро поднявшись с газона, я отстегнула карабин цепи от ошейника Барона и, направившись к дому, громко сказала:

— Барон, ко мне!

Пес тут же догнал меня, следуя попятам.

— Ты с ума сошла! – крикнул мне в след Никита, но я не стала обращать на него внимания, желая оказаться в своей комнате немедленно.

Мы вошли с Бароном в гостиную и направились в сторону лестницы.

— Саша, ты зачем это сделала? – спросил голос Артема, возникшего непонятно откуда.

Резко обернувшись, я замерла на месте. Барон тут же оскалился, рыча. Я взяла его за ошейник и крепко сжала пальцы, готовясь к рывку зверя.

— Сделала что? – приподняла я удивленно брови.

— Алия расскажет все отцу, – сказал он как можно тише.

— Если она все же решилась стать вдовой, пусть расскажет, – зло улыбнулась я.

Барону наш разговор очень не нравился. Рык становился все громче, а лапы начинали движение в сторону Артема, натягивая ошейник.

— Ты же понимаешь – я не удержу его, – произнесла я, кивая на обозленного пса, – тебе лучше уйти.

Дернув Барона на себя, я повела его вверх по лестнице. Войдя в комнату, я увалилась на кровать и позвала пса к себе. Он неуклюже взобрался на кровать, ложась рядом со мной и одновременно обнюхивая шелковое покрывало. Я повернулась к лохматой большущей туше и обняла Барона за шею, закрывая глаза.

— Помоги мне, – шепнула я, ощущая, как слезы проникают сквозь сомкнутые веки, скатываясь по коже. – Я так одинока, – всхлипнула я, прижимаясь все ближе к нему.

Пес обнюхал лицо и стал слизывать слезы, фырча мокрым блестящим носом.

Всю оставшуюся неделю, что отсутствовал Сабуров, я не отлипала от Барона. Это обеспечило мне покой и одиночество. Лежа под легким покрывалом, головой на теплом, мягком животе пса, я шепотом читала ему стихотворения Сергея Есенина, иногда вытирая стекающие по коже слезы. Поэзия великого поэта всегда волновала мою душу, вызывая восхищение. Боль Сергея Александровича отзывалась во мне, заставляя испытывать жалость и сострадание. Мне было жаль как его, так и себя. Барон, внимательно слушая любимые мною строки, периодически вздыхал и хлюпал носом, от чего казалось, что он тоже испытывает сентиментальные эмоции. Казалось, он плачет, понимая смысл прочтенных мною слов. Казалось, он разделяет мою безграничную любовь к творчеству Есенина... казалось...

Неделя пролетела быстро, словно истребитель над уставшей от палящего солнца землей. Я сидела на газоне, рядом лежал Барон, тяжело дыша от невыносимой, утомляющей жары. Из земли распылялась вода, увлажняя зеленую траву, переливаясь в солнечных лучах радужными красками. Я смотрела на свою босую ногу, по которой быстро передвигалась божья коровка, пытаясь покинуть загорелую кожу.

— Александра, – послышался грубый голос Сабурова за спиной, а я напрягла все мышцы тела, – подойди.

Скривившись от отвращения, я поднялась с газона и направилась к стоящему у входа на кухню Дамиру. Он смотрел на меня так, как смотрят на маньяка, на счету которого десятки смертей: с ненавистью, презрением и... страхом? Откуда в его взгляде взялся страх, так настроживший меня? Оказавшись напротив Сабурова, я, стиснув зубы и поселив во взгляд уверенность, взглянула в его глаза. Он резко схватил меня за руку и повел в дом, фырча от злости. Поднявшись наверх, он впихнул меня в комнату и, с неясной целью осмотрев мое тело, зло прошипел:

— Какого черта ты вытворяешь? – я стояла неподвижно, наблюдая за его гневными конвульсиями. – Ты – жена депутата Сабурова, а ведешь себя, как малолетняя шлюха! – крикнул он, сжимая кулаки. – Тебе тридцать лет, пора бы уже взяться за ум! – он подошел ко мне как можно ближе, представляя угрозу. – С кем ты была? – шипя, он зажал мое плечо в своих пальцах, а я нахмурила лоб, глядя на Дамира с вызовом. – Сука!.. – крикнул он, понимая, что ответа не последует. – Я хочу тебя, – неожиданно шепнул он, а его дыхание стало тяжелым и громким.

Сабуров притянул мое тело к себе, судорожно стягивая одежду, а я стояла неподвижно, как всегда, испытывая отвращение. Толкнув меня на кровать, он кинул пиджак на пол и опу-

стился сверху. Продолжая стискивать зубы, я закрыла глаза, стараясь не думать о том, что сейчас будет происходить.

— Ты сводишь меня с ума, – шептал он, задыхаясь от возбуждения.

Его руки скользили по телу, которое было слишком напряжено и зажато. Я лежала неподвижно, не участвуя в его пошлых забавах. Так происходило всегда и Сабурова, похоже, это вполне устраивало.

Еще одна неделя осталась позади моей нудной жизни пленницы. Меня по-прежнему держали в доме под замком, как заложницу. Всю свою энергию я оставляла в зале, уделяя как можно больше времени «железу» и бассейну, а вечера проводила в обществе Барона, валяясь праздно на пушистом газоне.

В очередной раз, оказавшись в саду, я прижалась к псу всем телом, перебирая пальцами его мягкую блестящую шерсть.

— Саша, – позвал негромко Никита, – тебя Дамир зовет. Они в гостиной.

— Они? – с испугом уставилась я на него.

— Там Алия и Артем, – шепнул он, когда я оказалась рядом.

Стянув с головы капюшон толстовки, я вошла в дом. В гостиной, и правда, сидела Алия, держа за руку своего муженька. Она наградила меня взглядом призрения и, отвернувшись, сосредоточила свое внимание на отце.

— Александра, – обратился ко мне Дамир, – присядь, – указал он рукой на диван.

Я опустилась на мягкую диванную подушку, мельком взглянув на Никиту, который замер в кухонном дверном проеме.

— Я хотел с вами поговорить, – начал Дамир, опустив локоть на каминную полку со стоящими на ней моими наградами.

Артем пристально смотрел в мои глаза, явно желая что-то сказать, но все же продолжая хранить молчание.

— Совсем скоро в доме появится грудной ребенок, – произнес Сабуров, а Алия перевела на меня какой-то ошарашенный взгляд, наверняка заподозрив меня в беременности. – Эти вечные склоки уже всех утомили, – продолжил он свою речь, с укором взглянув на дочь. – Алия, ты – мать и тебе стоит поменять свое поведение. Оставь, наконец-то, Александру в покое, – эти слова заставили меня взглянуть на Сабурова. – Она никогда и никуда не денется, вопреки твоему желанию, – я пристально смотрела на его лицо, не веря своим ушам. Казалось, Дамир в бреду и у него, наверняка, жар. – Я принял твой выбор, – кивнул он в сторону Артема, – а ты мой – нет, это несправедливо по отношению ко мне, тебе не кажется? Ты – моя дочь и твое место никто, никогда не займет, так же, как и ты не займешь место Александры. От ваших вечных разборок пострадает мой внук, а я этого не желаю. Мне в доме необходим покой.

— Она меня ненавидит, – пискнула Алия, а в ее глазах показались фальшивые слезы, имеющие свойство – раздражать.

— Ты ненавидишь ее больше, – грубо произнес Дамир, а я снова уставилась на него.

«Да что это с ним?» – задала я себе мысленно вопрос, копаясь в вариантах ответа и желая подобрать один подходящий, словно ключ к замку.

— Алия, ты всегда провоцируешь Александру, и я это вижу, вот только достается всегда ей, так как ты носишь под сердцем моего внука, а я не желаю причинить вред ребенку. Как только он появится на свет, ты будешь тоже отвечать за свои поступки, – с укором взглянул он на дочь.

— Ну, пап, – снова пискнула она, вцепившись в руку мужа.

Я улыбнулась, щуря от удовольствия глаза, словно кровожадная хищная кошка, смотрящая на додыхающую вкусную жертву.

— А ты, – обратился он ко мне, – уважительно относись к моей дочери. Ты ей не мачеха и никакого отношения к ней не имеешь. Ты всего лишь моя жена, не имеющая прав в этом доме, – эти слова вызвали лишь улыбку. – Алия всего на год тебя моложе, так что никаких нравов и быть не может.

Я нарочно хмыкнула как можно громче, дабы спровоцировать Сабурова на агрессию, но он продолжал держать себя в руках, тем самым вызывая подозрение. Алия с каким-то страхом смотрела на меня, предвкусывая жизненные перемены.

— Я надеюсь, меня все поняли? – спросил Дамир, глядя то на меня, то на дочь.

Высокомерно, с отвращением и ненавистью взглянув на него, я поднялась с дивана, желая покинуть общество этих пресмыкающихся идиотов. Неожиданно входная дверь распахнулась, и в дом влетел охранник Сабурова. Тяжело дыша и сжимая в руке пистолет, он замер перед ним, заслоняя спиной большое дамировское тело.

— Что... – хотел что-то спросить Дамир, но так и не успел, застыв на месте.

В гостиной возникли четверо мужчин в камуфляжной форме с автоматами в руках и черными пугающими балаклавами на головах. Взглянув на Ника, я увидела пистолет в его руке, ожидая кровавую бойню не на жизнь, а на смерть. Он стоял неподвижно, не понимая, как вести себя в подобной ситуации.

— Пушки на пол! – приказал один из мужчин, направив дуло автомата на Сабурова, а тот поспешно кивнул, заворочено глядя на вооруженную шайку.

Пистолеты синхронно с грохотом повалились на паркет. Никита пнул свой черный «ПМ» носком ботинка в сторону вооруженных мужчин, держа руки приподнятыми, дабы те ненароком не усмотрели в его действиях сопротивление и провокацию.

— Вы кто? – тихо спросил Дамир и шагнул в сторону, желая заслонить меня широкой спиной.

Один из мужчин, тот, что был выше всех, отрицательно покачал головой, выражая недовольство сабуровским телодвижением.

— Стоять на месте! – зло рявкнул автоматчик, самый низкий из банды. – Еще одно движение, и я стреляю на поражение, – поставил он Сабурова перед фактом.

Дамир поспешно кивнул пару раз, выражая понимание и согласие. Взглянув на меня, он оценил обстановку и понял: если вдруг раздастся автоматная очередь, то я окажусь под градом пуль одной из первых.

Тем временем высокий мужчина, приблизившись ко мне, взял руку за запястье, а я ощутила на коже шершавую ткань черных перчаток и неимоверно сильный страх внутри себя. Он грубо и резко дернул дрожащее тело, заставив меня сдвинуться с места, проявляя покорность. Мое бедное сердце перестало сокращаться от волнения, сковывающего мышцы. С испугом взглянув на Дамира, я рассмотрела в его глазах неподдельный ужас.

— Оставь ее... – с мольбой в голосе произнес он, качая отрицательно головой.

Мужчина мгновенно отреагировал на непослушание, направив дуло автомата Дамиру прямо в лицо. Он неодобрительно качнул головой, продолжая сохранять молчание и хладнокровие.

— Еще раз двинешься, и я пристрелю ее, – прошипел зло мужчина, стоявший за спиной Алии, прижимая автоматное дуло к ее затылку.

Сабуров снова покачал отрицательно головой, взглянув мельком на перепуганную до смерти бледную дочь, но тут же перевел взгляд на меня. Мужчина, сжимающий мое запястье, повел меня к выходу, а оставшиеся трое стояли неподвижно, контролируя тех, кто должен был оставаться в доме.

Оказавшись за воротами, мужчина грубо впихнул меня в салон «Хантера» цвета хаки, громко хлопнув дверью. Он, взобравшись на водительское кресло, повернул ключ в замке зажигания, после чего внедорожник громко зарычал, вибрируя высоко стоящим на колесах

кузовом, и осветил ночь, обволакивающую сад, ярким светом круглых фар. Вжав педаль газа в пол, он свободной рукой скинул ремень автомата с плеча и, бросив его на заднее сиденье, схватился за руль. УАЗ, рыча, бурча и завывая, быстро отдалялся от дома, закидывая стрелку спидометра вправо. Мужчина мельком взглянул на меня и быстрым резким движением стянул балаклаву с лица. Я уставилась на довольную физиономию Хромова, лишившись дара речи окончательно.

— Что за цирк? – наконец-то спросила я, избавившись от шока.

— Что, не понравился? – улыбнулся он, взглянув на меня. – Жаль медведя не привезли, было бы куда интереснее, – подмигнул он, не переставая радоваться своему успеху.

— Ты что, издеваешься? – прошипела зло я. – На вопрос ответь! – повысила я голос, перекикивая рев двигателя.

— На какой именно? – прикинулся он идиотом. – О цирке? – решил все же уточнить Кирилл.

— Какого черта тебе от меня нужно? – с ненавистью я взглянула на его светящуюся от счастья физиономию.

— А ты-то тут причем? – хмыкнул он, недовольно взглянув на меня и спрятав глупую улыбку.

— Что? – раскрыла я рот от изумления.

Автомобиль замер у обочины. Хромов повернулся ко мне и, резко схватив меня за руку, притянул к себе. Его губы изобразили страстный поцелуй, смыкаясь на моих устах, а пальцы утонули в прядях волос. Я изо всех сил боролась с похотью, которая управляла сознанием, но все было бесполезно. Тело Кирилла вызывало сильное желание, отключая мозг от системы здравоснобжения разума, блокируя сигналы об опасности. Вцепившись пальцами в его каменные бицепсы, я изогнула спину, ответив на поцелуй. Постанывая от желания, мне казалось, что я задыхаюсь от страсти. Она жаром налиwała мышцы, сокращая их последовательно и волнообразно. Хромов с трудом отстранился от лица и, тяжело дыша, предложил:

— Поехали ко мне.

Вновь впившись в губы поцелуем, он задышал еще тяжелее, чем прежде, не в силах отказать от удовольствия.

— Я хочу тебя, – шепнул он, снова сжав мои губы и коснувшись их горячей влажной кожи языком.

— Я не хочу тебя, – шепнула я в ответ и, повиснув на его крепкой шее, снова ответила на настойчивость, страсть и непреодолимое желание.

— Врешь, – отстранился он на мгновение, чтобы высказать свое недоверие к моим лживым словам.

— Нет, – качнула я головой, целуя его влажное от пота лицо.

Хромов отстранил мое тело, пристально взглянув в глаза. Его страсть развеялась, словно пепел по ветру, а взгляд стал холодным.

— Зачем ты... – хотел он задать вопрос, но так и не смог, оборвав непрочную словесную нить.

Он смотрел на меня, не в силах поверить в то, что я произнесла пару минут назад. Кирилл боролся со своим ступором, пытаясь хоть что-то сказать, но потрясение было слишком сильным. От его взгляда я испытывала боль, хотя испытывала я ее не от взгляда, а от своих же лживых слов. Но разве я могла себе позволить такое увлечение, как любовник, имея такого мужа, как Сабуров? Разве я могу приговорить человека к смерти, просто потому что, мною овладела страсть? Нет, я не могла так поступить. Я обречена на пожизненное заключение в своем вечном каземате.

— Мне нужно домой, – произнесла я, уставившись в лобовое стекло, для того чтобы Кирилл не смог рассмотреть слезы в глазах.

— Зачем? – шепнул он, не в силах отвести от меня взгляд.

— Мне нужно кормить пса, – озвучила я очередную ложь.

— Какого пса, Сандра? – искренне удивился Хромов, лишившись способности понимать слова.

— Лохматого, – шепнула я, ощутив слезу на щеке.

Кирилл, взяв меня пальцами за подбородок, повернул лицо к себе. Из глаз стали непрерывно катиться слезы, а я прикусила губу, мечтая, дабы эта соль скорее испарилась с кожи, сохраняя в тайне сильную душевную боль.

— Я должна вернуться...

— Должна? – уточнил Хромов.

— Я хочу вернуться домой, – произнесла я уверенно, снова повернувшись к лобовому стеклу.

УАЗ все стремительнее приближался к особняку Сабурова, а мне все больше хотелось остановить его, развернуть и уехать прочь навсегда. Но вернувшийся здравый разум объяснил мне свою позицию, лишая надежды на свободу. Хромов смотрел прямо перед собой, не позволяя себе касаться моего профиля взглядом разочарования. Он крепко держался за руль, периодически вдыхая врывающийся в приоткрытое окно холодный воздух. А я, напротив, больше не вдыхала, мечтая задохнуться не от боли, а от нехватки кислорода. Но легкие непроизвольно наполнялись, поддерживая жизненные показатели в пределах нормы.

Внедорожник замер, прижавшись к каменному забору чужого дома. Кирилл по-прежнему смотрел прямо перед собой, сжимая пальцы на рулевом колесе все сильнее. Мельком коснувшись взглядом его напряженного лица, я, оказавшись на улице, захлопнула дверцу, после чего джип громко взвыл и, скрипнув колесами, рванул с места так стремительно, что пыль, поднятая с дороги покрышками, мгновенно заполнила воздух, погружая меня в серую дымку. Я медленно опустилась на колени и, прижав ладони к лицу, зарыдала. Рыдания были громкими и отчаянными, наполняя длинную улицу жалобными звуками. Непонятно откуда возник Сабуров. Поднимая меня с колен, он что-то тихо говорил, но это что-то я не слышала и не понимала совершенно, продолжая рыдать от чувства обреченности. Он крепко держал мое тело в своих руках, пытаясь отыскать на мне причину этих громких рыданий, но ему никогда не увидеть зияющую рану, которую оставил Хромов в моей теперь уже пустой груди.

— Ты ранена? – взволнованно спросил он, продолжая осматривать тело и ощупывать его ладонями. – Что он сделал? – не обнаружив ни крови, ни увечий, попытался выяснить Дамир, но я продолжала кричать от боли, рыдая взахлеб. – Хватит! Замолчи! – рявкнул он, желая привести меня в чувство. Сабуров встряхнул тело, которому были безразличны его желания, оно продолжало содрогаться от плача. – Звони врачу! – крикнул кому-то он и, прижав меня к себе, повел в дом.

Успокоилась я только тогда, когда возникший в доме врач вонзил иглу в мою вену, разбавляя кровь прозрачной волшебной жидкостью, погружающей меня в какой-то приятный дурман. Заверив Дамира, что со мной все в порядке, он покинул комнату, а я наконец-то закрыла глаза, желая как можно скорее погрузиться в сон.

Утром мало что изменилось в сознании. В груди по-прежнему оставалась полость, которую безумно хотелось заполнить хоть чем-нибудь. Но, то ли действие вчерашнего укола все еще контролировало эмоции, то ли мое смирение решило оставить все, как есть. Приняв душ, я натянула на влажное тело шорты и короткий топ и, затянув шнурки на кроссовках, спустилась вниз.

Жуя протеиновый батончик, я запивала его горячим крепким кофе, глядя равнодушно в окно. Мне было безразлично солнце, которое, поднимаясь к небесному своду, рисовало розовые узоры, изображая облачные мазки на лазурном холсте. Меня не трогали цветущие кустарники магнолии, не трогало утреннее пение птиц, которые так искусно владели собственными

голосами, легкий влажный ветерок, играющий невесомым голубым тюлем, был тоже безразличен. Меня не трогала мысль о лежащем у будки Бароне. И даже воспоминания о Кирилле больше не вызывали никаких чувств.

Войдя в тренажерный зал, я бросила полотенце на красную скамью и, сделав глоток воды из бутылки, подошла к зеркалу. «Он убил меня, – произнесла я мысленно, глядя на что-то пульсирующее между ключицами, – подбросив обезображенный труп к родным стенам каземата». Оторвав взгляд от омерзительного отражения, я подошла к музыкальному центру и, включив громко музыку, погрузилась в изнуряющую тренировку с головой. Когда мое тело было уже мокрым от пота, в зал вошел Ник. Он осмотрел меня придиричивым взглядом и, перекинув полотенце через брус, произнес:

— Привет.

Не ответив, испытывая равнодушие и к нему тоже, я промокнула мокрое лицо полотенцем и подошла к штанге с черными стальными дисками. Никита вздохнул, глядя на меня, и, оказавшись у центра, убавил немного звук. Его откровенная наглость ничуть не тревожила меня, позволяя равнодушию и безразличию мирно сосуществовать в душе.

Сжимая в пальцах холодный гриф, я поднимала штангу над головой, периодически поглядывая в зеркало на отражение Ника, который продолжал пялиться на потное напряженное тело. Мою голову заполнили цифры, выстроившиеся в ровные упорядоченные ряды и обозначающие порядковый номер очередного повторения, совершенно не оставляя места для посторонних мыслей.

— Он уезжает завтра вечером, – шепнул Никита, когда я с трудом выжала штангу, зафиксировав ее над головой.

От услышанного мышцы дрогнули. Я бросила штангу на кусок черной резины, перестав дышать. Повернув лицо к нему, я с надеждой посмотрела в его глаза.

— Я поеду в бар, – вдохнув такой необходимый кислород, наконец-то произнесла я.

— Я в этом не участвую, – покачал Никита отрицательно головой.

— Почему?

— Охрана тебя не выпустит из дома...

— Поможешь мне сбежать... – начала я, а Ник меня перебил:

— Куда тебе бежать? Эти игры с огнем до добра не доведут, – покачал он отрицательно головой. – Я же сказал, что больше не участвую в твоём «самоубийстве».

— Если ты не поможешь, я расскажу Сабурову, как ты трахал меня на нашем семейном ложе во время его командировок, – зловеще прошипела я, в упор глядя в глаза Никиты, наполняющиеся ужасом.

— Ты что? Он же убьет нас...

— Нас? – улыбнулась я хищной улыбкой. – Он убьет тебя, а я уже тринадцать лет как мертва.

— Я помогу, – поспешил Ник заверить меня, не желая даже думать о том, что будет, узнай Дамир о нашей маленькой тайне.

Никите удалось вывезти меня из дома в багажнике своего авто. Спустя час после моего побега я уже сидела за барной стойкой, потягивая мартини из конусообразного бокала, на дне которого мертвым грузом лежали бесполезные зеленые оливки, словно пара утопленников, покрывшихся зелеными водорослями. Ночь стремительно неслась вперед, напоминая скоростной экспресс, направляясь навстречу рассвету, а я никак не могла ощутить алкоголь в крови. Не было ни легкости, ни опьянения, зато напряжения – хоть отбавляй. Цель не была достигнута, опять погружая меня в разочарование.

Спрыгнув с барного пластикового стула, я поплелась к выходу, сопровождая движения вздохами. Тело по-прежнему наполняла усталость и странная необъяснимая тяжесть. Оказав-

шись на парковке, я подошла к автомобилю Никиты, который он заботливо оставил мне, дабы не дежурить под стенами ночного клуба полночи. Необходимо было забрать его из дома и, поместив свое тело снова в багажник, вернуться в «тюремную камеру». Но, похоже, об этом плане знали не все, жестоко нарушая его. Разблокировав двери, я взялась за холодную ручку, но попасть в салон так и не смогла. Чьи-то пальцы сжались на моей руке, лишая возможности оказаться за «баранкой» кроссовера. Обернувшись, я уставилась на незнакомца, крепко держащего меня за предплечье. Он изобразил на лице улыбку, напоминающую омерзительный шакалий оскал.

— Привет, детка, – прошипел он, продолжая лыбиться, словно слабоумный идиот, пребывающий в одиночной палате психиатрической клиники. – Я же сказал, что это жена депутата, – произнес он, повернув голову вправо, после чего я заметила и второго идиота.

— Да ладно, – покачал отрицательно тот головой, – она на шлюху больше похожа, нежели на жену слуги народа.

— Сабуров любит таких, как она, – хихикнул слабоумный с шакальей улыбкой.

Я стояла неподвижно, наблюдая за незнакомцами. А причиной этой неподвижности был нож, зажатый в руке обладателя хищного оскала, все еще сжимающего мою руку в своих шершавых сухих пальцах.

— Вот это удача, – произнес тихо тот, что стоял чуть в стороне, – представляешь, какую награду за нее отвалит депутат? – мечтательно сказал он.

— Ну что, куда ее? – спросил обладатель ножа.

— Давай в дом моей бабки отвезем, там ее хрен кто найдет.

Шакал с идиотской улыбкой, резко дернул тело на себя, отлепив мою спину от кузова авто и поднес нож к моей шее.

— Только тихо, – прошипел он и снова оскалился.

— Убери руки от нее! – громко произнес до боли знакомый голос.

Мы втроем повернули головы вправо и уставились на Хромова, стоящего в свете фонаря и наблюдающего за происходящим, так сказать, со стороны.

— Вали отсюда, – прошипел шакал, поскуливая, и прижал острее лезвия к моей коже.

Кирилл как-то разочарованно вздохнул и, качнув головой, извлек из-за пояса пистолет. Его ствол блеснул под светодиодной фонарной лампой, а предохранитель громко щелкнул, предупреждая о боевой готовности. В глазах мужчин возник заметный страх. Нож отделился от моей шеи, а его обладатель отступил назад.

— Ну, чё ты сразу не сказал, что это твоя девка? – пряча нож за спину, спросил мужчина, лишившись своей идиотской ухмылки. – Мужик, ты это... не глупи... мы уходим...

Эти двое кинулись прочь, а я, повернувшись к Кириллу, вцепилась взглядом в его лицо. Спрятав пистолет за спину, Хромов замер на месте, всматриваясь в глаза, стремительно наполняющиеся слезами. Что-то ноющее и неприятное заполняло полость в груди, оставленную Кириллом во время последней нашей встречи. «Боль», – подумала я, а из моих глаз таки скатились слезы, смывая безразличие и равнодушие теплой солью. Там, внутри меня, снова билось горячее сердце при созерцании серого взгляда.

Отлипнув от холодного кузова, я сделала шаг навстречу Кириллу. Он тут же сдвинулся с места, приближаясь к моему дрожащему телу. Как только мы оказались достаточно близко друг к другу, я прижалась к его груди, тихо всхлипнув. Но с каждой последующей секундой прикосновения тел, плач становился все громче, постепенно перерастая в рыдания. Кирилл прижимал тело все крепче к себе, не позволяя дрожи так стремительно поражать его. Боль наполняла ставшую привычной полость в груди, причиняя страдания и муки. Отстранившись от Хромова, я взглянула в его глаза, ища там утешение, но не было там ничего... абсолютно ничего... ничего, кроме чувства.

— Ты убил меня... — шепнула я и вцепилась пальцами в лацканы его пиджака, ощущая слезы на лице. — Убил... — рыдая, твердила я, все сильнее сжимая пальцы, которые немели от боли и теряли чувствительность. — Верни мне его! — неожиданно для самой себя крикнула я, заполнив ночную тишину нотами истерики. Кирилл смотрел в мои глаза, пытаясь понять, о чем я говорю. Его пальцы сжимали плечи, не позволяя телу содрогаться от боли и отчаянья. — Верни мне сердце, которого ты лишил меня, — шепнула я практически беззвучно.

Он смотрел в мои глаза, не веря услышанному. Неожиданно дернув тело на себя, Кирилл крепко прижал меня к груди и, наклонившись к уху, прошептал:

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя, — эхом повторила я, вжимаясь в его тело все сильнее.

Хромов крепко прижимал меня к себе, нежно касаясь волос ладонью. Он тяжело дышал, а его сердце, сокращаясь, издавало громкие слышимые звуки. Я, уткнувшись лицом в рубашку, ощущала эти мощные толчки его сердца кожей. Кирилл отстранил меня от груди, пристально посмотрев в мокрые от слез глаза.

— Я не оставлю тебя, — произнес он тихо, сжимая пальцы на плечах.

Я согласно кивнула, понимая, что «золотая клетка» должна наконец-то остаться в прошлом. Свобода — единственная желанная цель жизни, которая обязана быть достигнута любым путем. А если этот путь — Кирилл, то он более желанный, нежели сама свобода. Его можно преодолевать остаток жизни, наслаждаясь бесконечным пусть даже утомительным движением. Он сжал мою кисть руки в своих пальцах, и повел вглубь густой бархатной темноты. Оказавшись у «Кадиллака», мы сели в салон, вновь взглянув друг на друга.

— Ты уверена? — спросил Хромов, коснувшись ладонью моей мокрой от слез щеки.

— Я уверена, — произнесла я и как можно плотнее прижалась к его горячей коже руки.

Кирилл с большим трудом отстранил ее от моего лица и, пробудив двигатель, сжал пальцы на рулевом колесе. Джип несся по трассе, как мне тогда казалось, в сторону земного рая, суля приятные перемены. Очень жаль, что слово «казалось» стало ключевым в этой истории.

Два дня проведенные рядом с Хромовым навсегда останутся в моей памяти. Его любовь такая теплая и мягкая, в ней столько сладости, что порой я просто была не в силах поверить в реальность происходящего. Его такое родное тело обрекало на неизбежное удовольствие. Его сильные руки, прикасаясь к телу, дарили покой и уверенность в завтрашнем дне. Я знала — когда-нибудь пребывание в раю закончится, и меня освободят по амнистии, абсолютно не желанной мною. Знала, что вечность — небылица, придуманная людьми для утешения и самобмана, поэтому не рассчитывала на нее, живя одним мгновением.

— Сандра, просыпайся, — послышался взволнованный голос Кирилла.

Он, коснувшись моего плеча, слегка сжал пальцы, пытаясь меня разбудить. Распахнув глаза, я с испугом осмотрела его бледное лицо. Волнение отражалось в и без того серых глазах, делая их еще более холодными и какими-то безразличными.

— Нужно уезжать, — произнес он возбужденно, спешно поднимаясь с кровати.

— Что произошло? — не в силах понять причину его тревожности, спросила я.

— Он ищет тебя, — шепнул тихо Кирилл, словно надеялся, что я не услышу этих жестоких слов, походивших более на приговор. — Он уже весь город на уши поставил, объявлен план «Перехват», менты шмонают всех без разбора.

Я смотрела на Кирилла, не в силах поверить его словам. Все это звучало, словно бредовые мысли рецидивиста в бегах, словно кошмарный сон, которым он спешил поделиться со мной, дабы страх отступил как можно скорее.

— Нам нужно спешить, — вернул Хромов меня в реальность, продолжая бороться с собственной нервозностью. — Скоро выезды из города перекроют.

— Нам некуда бежать, – шепнула я, ощущая большой и шершавый ком в горле, мешающий говорить.

— Это неважно, – произнес он, – я не отдам тебя ему, – категорично заявил Кирилл, нервно касаясь своей небритой щеки.

Поднявшись с кровати, я подошла к нему и прижалась к груди как можно плотнее, словно прощаясь навсегда. Он обнял меня за плечи и, уткнувшись лицом в шелк волос, замер. Кажется, Хромов даже дышать перестал, только его большое мужское сердце продолжало громко стучать там, за ребрами, позволяя мне отчетливо слышать его взволнованный звук. Пара минут бездействия, и он снова отлучил меня от своего крепкого тела.

— Одевайся, – сказал он, приближаясь к выходу, – я жду тебя внизу.

Натянув дрожащими руками свои вещи на влажную от волнения кожу, я стянула волосы на затылке в хвост и вышла из комнаты. Кирилл, не произнося больше ни слова, взял меня за руку и вывел из дома, у ворот которого стоял черный немецкий седан с тонированными непроглядными стеклами. Распахнув заднюю дверцу, он усадил меня на кожаное сиденье. Я поспешно сдвинулась влево, глядя на опускающегося рядом со мной Хромова.

— Поехали, – сказал он, обращаясь к водителю автомобиля, занявшего место за рулевым колесом.

«Фольксваген» покинул территорию дома, устремившись в сторону выезда из коттеджного поселка. Мужчина, тот, что сидел на переднем пассажирском кресле, сжимал в руке рацию и медленно вращал пальцами маленькое колесико, находящееся рядом с короткой антенной.

— Ну что? – теряя терпение, спросил Кирилл, оторвав взгляд от одинаковых заборов, стоящих вдоль асфальтированной дороги.

— Не могу поймать их волну, – обреченно пожал плечами мужчина, а мне показалось, что он раздражен данным фактом.

— Хреново, – произнес Хромов после непродолжительной паузы.

Неожиданно рация зашипела, а затем послышались слова, сопровождаемые неприятным потрескиванием: «Первый третьему, прием... Слышу тебя, первый, прием... Приказ Соколова досматривать все автомобили на выезде из города, как понял? Прием... Понял тебя. Принято».

Испуганно уставившись на Кирилла, я принялась покусывать от нервозности нижнюю губу, не веря в происходящее. Мужчина, с рацией в руке, повернулся, взглянув на Хромова взглядом, полным безысходности и растерянности.

— Куда ехать? – спросил водитель, тоже взглянув назад.

— В горы, – словно насмехаясь над ним, ответил Кирилл.

— Может быть, попробуем проскочить? – спросил пассажир с рацией.

— И это последнее, что мы попробуем, – ответил водитель и недовольно скривился, опять же повернувшись к Хромову, все еще ожидая дельного осуществимого приказа.

«Третий первому, прием... – вновь зашипела рация, напоминая о себе, и все в салоне напряглись, как один, сосредоточившись на звуках, разбавленных противным шипением и потрескиванием. – Говори, третий... Мы на трассе А117, прием... Отлично, третий, работайте».

— Разворачивай, – взволнованно произнес Кирилл, поспешно осматриваясь по сторонам.

Водитель, тут же включив поворотник, вывернул руль вправо, резко меняя направление движения. Черный немец громко взвыл, устремляясь вперед.

— Поезжай в горы, – сказал Хромов, на этот раз абсолютно серьезно, сопровождая свои слова вздохом безвыходности.

Дотянувшись до моей руки, он сжал дрожащую влажную кисть в пальцах, рассматривая испуганное лицо. В этом взгляде была обреченность, благодаря чему я могла с легкостью угадать мысли Кирилла. Я заранее знала, чем этот побег закончится. Знала, но надежда на ошибку

не желала покидать мои мысли. Очень хотелось ошибиться в том, что Сабуров непременно вернет меня восвояси, в том, что сейчас полгорода пляшет под его дудку, угождая обманутому супругой депутату.

Когда слева показалось подножье горы, Кирилл обернулся, взглянув на трассу, оставшуюся позади. Громкий рев двигателя, не принадлежащего нашему седану, заставил нас всех взглянуть назад, копируя движение Хромова. Черный джип с тонированными стеклами, мгновенно поравнявшись с «Фольксвагеном», опустил заднее стекло, а в образовавшейся щели, словно в амбразуре, возникло автоматное дуло.

Кирилл резко дернул меня за руку, повалив на пол, между сиденьями, и упал сверху, накрыв своим телом. Оглушительная непрерывная автоматная очередь, пули, вонзающиеся в кузов седана, с легкостью пронизывая его тонкий металл, и битые стекла, градом осыпающиеся на нас – заставляли вжиматься в пол как можно сильнее. Мне казалось, что в тот момент я перестала дышать, ощущая на себе тяжелое тело Хромова. Страх, боль, удушье, сильная дрожь и невыносимая пульсация в голове от звука выстрелов – не позволяли что-либо понять и осознать. Просто вереница событий, кажущихся бессмысленными и отсутствие выхода впереди.

Очередь прервалась. Кирилл, мгновенно поднявшись, схватил меня за руку и, распахнув настежь дверцу седана, прыгнул в кювет, увлекая меня за собой. Упав в высокую колючую траву, я подняла голову, наблюдая, как «Фольксваген», словно мифическая Стимфалийская птица, летит над пропастью. Казалось, такое возможно только в кино. Выглядел этот полет абсолютно нереально, будто комбинированные съемки, к тому же не очень-то хорошего и профессионального качества. Но, к сожалению, кинематограф тут был ни при чем.

Удар метала о землю, и оглушительный взрыв заставили прижать тело к земле как можно плотнее. Оно продолжало дрожать, а в ушах что-то громко стучало, очень напоминая сердце. Хромов снова схватил меня за руку, и мы побежали в горы, поднимаясь все выше. Спотыкаясь о булыжники и сухие ветки, я держалась на ногах только благодаря Кириллу, сжимающему пальцы на запястье. Снова раздались выстрелы за спиной. Пули свистели над нашими головами, безжалостно вонзаясь в стволы высоких сосен. Ощущение того, что мы находимся на поле боя, не покидало ни на мгновение. Адреналин в крови подавлял чувство страха, делая его практически неощутимым и незаметным. Движение на грани твоих физических возможностей не оставляло ни сил, ни времени распознать в теле посторонние, отвлекающие от происходящего эмоции.

Кирилл дернул тело в сторону и повалил меня на землю. Мы оказались за большим валуном, спасающим от все еще свистящих в воздухе пуль. Происходящее напоминало компьютерную игру, особенно звук свинца, безуспешно пытающегося вонзиться в горную породу. Выстрелы становились громче, сообщая о приближении стрелков.

— Тебе нужно идти, – неожиданно произнес Кирилл, продолжая бороться со сбившимся дыханием. Повернувшись к нему, я непонимающе посмотрела в глаза, думая, что мне слышатся эти жестокие несправедливые слова. – Они убьют нас, – сжав мою руку, объяснил он свое решение. – Я не смогу защитить тебя.

— Ты же обещал, что не отдашь меня, – находясь в оцепенении, произнесла я монотонно, не находя в себе сил для выражения эмоций.

— Не отдам, – подтвердил Кирилл и даже кивнул. – Сандра, я не могу подвергать тебя опасности. Да у меня даже ствола с собой нет, – он резко дернул тело на себя, прижав крепко к груди, когда очередные пули, свистя, вонзились в каменную броню. – Они убьют тебя...

Выстрелы стремительно приближались, расплываясь в стороны. Судя по звукам, нас попросту окружали, наверняка, даже не подозревая того.

— Я не хочу без тебя, – произнесла я, со слезами на глазах, – я не хочу с ним...

— Сандра, послушай, – начал взволнованно Кирилл, – мои ребята мертвы, я остался один. Я ничего сейчас не могу сделать... Они не знают, что ты сбежала, наверняка Сабуров уверен, что тебя снова похитили...

— А если он знает?..

— Он не причинит тебе вред, – неуверенно произнес Хромов, хотя мне показалось, что он, напротив, уверен в том, что Сабуров «казнит» меня, как только я покину наше каменное укрытие. – Я заберу тебя... позже... не сейчас...

— Обещаешь? – спросила я, ощущая слезы на коже, омывающие ее холодом.

— Я люблю тебя... – произнес Кирилл, не отвечая на вопрос. – Люблю...

Он крепко прижал меня к себе, впившись в губы. Хромов сжимал их, пытаюсь навсегда запомнить сладость, хотя в тот момент они были солеными от горьких слез.

— Давай, Сандра, иди, – отстранив меня, произнес Кирилл с болью в голосе.

— Уходи, – произнесла я, когда автоматные очереди образовали паузу в пространстве, даря природе время насладиться тишиной.

Поднявшись во весь рост, я покинула убежище и, поднимая руки над головой, стала двигаться по направлению к мужчинам, которые стояли между соснами, не так далеко от нашего укрытия. Они прятали тела в камуфляжной форме за стволами, периодически высывая черные головы в балаклавах и поглядывая на меня. Слезы струились по лицу, а я продолжала глотать их, не в силах поверить в то, что добровольно возвращаюсь в каземат к своему жестокому надзирателю.

— Не стреляйте, – громко произнесла я, продолжая движение вперед.

Мужчины опустили дула автоматов в землю, покидая укрытия (я даже представить не могла, что их так много). Похоже, Сабуров поднял целую армию против одного Кирилла.

— Где он? – спросил один из мужчин, приближаясь ко мне и обнажая свое лицо.

— Он ушел, – произнесла я, замерев на месте, – я одна.

— Все хорошо, – произнес он, повесив на плече автомат. – Ты цела? – я лишь кивнула в ответ, не в силах больше произносить слова.

— Прочешите лес! – приказал командир с погонами капитана на плечах, обернувшись назад, а я напряглась всем телом.

Один из мужчин, наверняка тот, что был старше по званию многочисленного отряда, махнул рукой и все стрелки начали движение вперед, направляясь к вершине горы. Оставшийся со мною рядом капитан с автоматом на плече достал из кармана мобильный и прижал его к уху. Ответа ждал он недолго, как только в динамике послышался голос, мужчина стал говорить громко и быстро:

— Дамир Робертович, Александра у нас... Он бросил ее в горах... Да, она в порядке... Понял вас. Так точно, – кивнул он, вернув мобильный в карман. – Я отвезу тебя, поехали...

Предстоящая встреча с Сабуровым погружала сознание в липкий страх. Думать о чем-то, кроме того, что ожидает меня дома, было невозможно. Я все отчетливее ощущала внутри себя сожаление о совершенном мною необдуманном и опасном поступке. Нельзя было поддаваться желанию и порыву, прыгая в омут с головой. И почему я вдруг решила, что Сабуров махнет на меня рукой и отступит? Почему не подумала о том, что кинется он на поиски? Почему не подумала, что найдет? Руки не переставали дрожать, а сердце все так же билось быстро и громко, отдаваясь где-то в висках эхом.

Полицейская «Лада» замерла напротив ворот моей вечной тюрьмы, а я с силой сжала пальцы на дверной ручке, не желая покидать безопасное место. Из калитки вышел Дамир, зло щуря глаза. Мужчина поспешно, с каким-то волнением покинул салон и, подойдя к нему, что-то стал говорить, периодически дополняя слова жестами. Сабуров отмахнулся от него, не желая ничего слушать, и подошел к седану, распахнув заднюю дверцу. Я смотрела в его глаза,

испытывая страх, кутавшийся в холодную и колючую ненависть. Его пальцы сжались на моем плече и вынули тело из авто, словно легкую игрушку из коробки.

Оказавшись в доме, Дамир усадил меня на диван и опустился рядом, всматриваясь в глаза так пристально, что я ощущала жуть, бегающую по спине, словно в поисках выхода из лабиринта. Она металась из угла в угол, покалывая кожу, медленно покрывающуюся испариной.

— Кто он? – раздувая ноздри от негодования, спросил, наконец, он.

— Кто? – с испугом посмотрела я на него, совершенно ничего не соображая от страха.

— Чего он хотел? – не ответив на мой вопрос, Сабуров задал свой, очередной.

— Сказал, что ты заплатишь ему за все, – не думая ни секунды, соврала я, да так уверенно, что даже сама поверила в свои же слова.

— Как он выглядит? – продолжал шуриться и раздувать ноздри он, подрагивая от гнева.

— Невысокий, с черной бородой... – продолжала я фантазировать, тем самым обеспечивая себе какое-никакое будущее и стараясь подмостить солому для пущего комфорта. – Он нерусский, – добавила я порцию лжи, дабы Дамир и не думал сомневаться в моих словах.

— Как ты покинула дом? – нахмурил он лоб, а в его зрачках вспыхнула ярость. Казалось, вот сейчас он и вцепится в мое лицо, не сдержавшись.

— Спряталась в салоне «Шкоды» охранника, – маскируя грехи Никиты своим враньем, я старалась создать видимость искренности и спокойствия.

— И где ты была? – Сабуров все еще держал себя в руках, только шипящие ноты его голоса выдавали негодование.

— Пила в баре, – призналась я. – Послушай, Дамир, я так больше не могу, – начала я, а Сабуров напрягся, хмурия лоб все сильнее. – Я не жена. Я – заложница. Ты не имеешь право ограничивать мою свободу.

— Да, – согласился он, – ты не жена. Ты – глупая стерва, которая нихрена не понимает в этой жизни, – недовольно скривился Дамир. – Ты принадлежишь мне, и так будет всегда. Именно поэтому я имею право, делать с тобой то, что посчитаю нужным.

Я смотрела в его жестокие глаза, не веря своим ушам. Казалось, Сабуров бредит, произнося эти слова.

— Еще одна подобная выходка и ты будешь сидеть на цепи, как твой бесполезный кобель, – прошипел он, сжав пальцы на моей руке. – Приведи себя в порядок, смотреть противно, – отпуская меня из плена своей хватки, приказал Дамир и поспешно поднялся с дивана.

Когда он покинул каминную, хлопнув с ненавистью тяжелой дубовой дверью, я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Эта жизнь становилась все более невыносимой, испытывая мое терпение, которое было раздуто до таких невероятных размеров, что угрожало лопнуть в любой неподходящий момент.

Следующим утром Дамир, словно оттаял. Он был ласковым и спокойным, что настораживало. Я не верила Сабурову, когда характер его приобретал светлый оттенок, становясь мягким и пушистым. Все это очередная игра, которая ничем хорошим обычно не оканчивалась.

После завтрака Сабуров вернул мне ключ от моего кабриолета, который я получила в качестве приза за первое место в международном конкурсе «Вуменс физик». «Мерседес», цвета электрик, был самым ценным подарком, который достался мне невероятно тяжело. Похоже, за всю соревновательную карьеру это был самый сложный подготовительный этап, поэтому и награда представляла особую ценность для меня.

А вечером Дамиру вздумалось вывести меня в свет, и это мне сразу же не понравилось. Проводить наедине с ним время, желания не было вовсе. Но разве я могла спорить с Дамиром и оглашать свои желания? Нет. Проще было подчиниться, дабы не злить этого жестокого кровожадного монстра с эмоциональной лабильностью. Два часа проведенных в салоне красоты сделали меня похожей на куклу, что вызвало лишь отвращение. Я не привыкла к яркому маки-

яжу и пафосной прическе, ведь в спортзале во всем этом не было необходимости. Конечно, соревнования обязывали выглядеть ярко и броско, но я не так часто участвовала в них, а после замужества это осталось для меня в прошлом.

Хостес с милой улыбкой распахнул перед нами зеркальные двери ресторана и вежливо пожелал приятно провести время. Оказавшись в просторном белоснежном зале, словно в больничной палате, Дамир взял меня за руку и с восхищением осмотрел тело с головы до ног. Он с гордостью подвел меня к круглому столу и, отодвинув стул, произнес:

— Ты шикарно выглядишь.

Не обращая внимания на его слова, я опустилась на мягкое сиденье и откинулась на высокую спинку. Мне было безразлично, что думает обо мне Сабуров. Его слова восхищения меня никогда не трогали и не доставляли удовольствия. Эта похвала «палача» перед экзекуцией звучала, как издевательство и насмешка. Дамир сел напротив, рассматривая безразличие в холодных глазах с абсолютно равнодушным видом. А его, похоже, вовсе не трогало мое безразличие.

Спустя минут сорок официант принес наш ужин и, пожелав приятного аппетита, удалился. Я сидела неподвижно, пристально глядя в тарелку с греческим салатом, словно пытаюсь в нем отыскать смысл своей никчемной скучной жизни. Желание было одно – как можно скорее оказаться дома и предпочтительно наедине с собой.

Сабуров, изображая важную, деловую и незаменимую личность, отвечал на бесконечные телефонные звонки, периодически покидая зал ресторана для каких-то тайных бесед. Очередной «важный» звонок и он снова вышел в холл. Оторвавшись от абсолютно невкусного салата, я подняла взгляд, осмотрев входную дверь, которая, распахнувшись,пустила в помещение Кирилла. Сердце, содрогнувшись от волнения, зачастило с ударами. Он сразу же заметил меня, изъясв знакомое лицо из множества скучных чужих физиономий. Его взгляд держал все мышцы в напряжении, заставляя сердце истерически содрогаться в груди, а руки подрагивать от волнения и желания оказаться рядом с ним и желательно, чтобы это «рядом» длилось вечно.

Поднявшись с места, я направилась в уборную, желая как можно скорее исчезнуть из поля зрения Кирилла, понимая, что, когда вернется Сабуров в зал, он непременно заметит мое волнение, а это вызовет сначала вопросы, затем гневные конвульсии от моего хамства. А я ведь обязательно начну хамить, себя-то я знаю хорошо.

Закрыв плотно дверь, я подошла к громадному зеркалу и, опираясь руками о столешницу с овальными умывальниками, взглянула на бледное лицо. Даже слой косметики не мог замаскировать обесцветившиеся кожные покровы, выдающие сильное волнение. Дверь неожиданно стукнула, ударившись о стопор, а за моей спиной возникла высокая фигура Хромова. Он, недолго думая, схватил меня за руку и потянул в сторону отдельной кабинки. Повернув барашек замка, Кирилл прижал мое все еще дрожащее тело к деревянной перегородке и сжал лицо в горячих ладонях, мгновенно впившись в губы жадным поцелуем. Мое сердце стало пропускать удары, просто не успевая сокращаться так быстро, как того требовало волнение и возбуждение. Изогнув спину, я сжала пальцы на его запястьях, ощущая пульс сквозь грубую мужскую кожу. Кирилл тяжело дышал, продолжая целовать меня все так же страстно, не в силах справиться с вожделением. Не знаю, сколько длилось это безумие, но, когда рука Хромова оказалась под подолом короткого платья, я резко отстранилась, понимая, что сам он не сможет уже остановиться. Кирилл посмотрел непонимающе на меня, продолжая глубоко вдыхать воздух. Он провел пальцами по губам, глядя на них с жадностью изголодавшегося зверя, и медленно выдохнул все то, что поглотили его легкие при последнем вдохе.

— Забери меня, – шепнула я, понимая, что не могу вернуться в дом Сабурова, а вернее – не хочу.

Хромов рассматривал мои внимательные глаза, а его взгляд был каким-то испуганным и потерянным. Он гладил лицо ладонями, упорно храня молчание, словно пытался растянуть

время и отсрочить ответ. Это держало тело в напряжении, а сознание погружалось в неопределенность, как будто в вязкую топь болота.

— Ты обещал... – напомнила я, прекрасно понимая, что обещание – всего лишь пустые слова.

— Я выполню свое обещание, – наконец-то произнес Кирилл, – но не сейчас.

От длительного напряжения мышцы лица сократились, изобразив нервную улыбку, а я согласно кивнула, как будто ожидала услышать именно такой ответ. Отступив назад, я пристально посмотрела в его глаза, пытаюсь понять, для чего он поместил в их зрачок фальшивую боль. Качнув отрицательно головой, я снова улыбнулась. Кирилл вмиг уловил мое настроение и попытался «утопить» меня в своей сладкой лжи:

— Сандра, я сделаю все то, что обещал... – сделал он шаг мне на встречу, но я тут же, снова отступила назад. – Ты что? – опешил он.

— Я больше не верю тебе, – шепнула я, не пряча улыбку, изображающую боль и отчаянье на лице.

— Сандра, послушай, мне просто необходимо время...

— У тебя теперь будет достаточно времени, – перебила я его, не желая больше слушать пустые и бессмысленные слова.

— Да что ты несешь? – взбесился Хромов, схватив меня за плечи и встряхнув тело, но все это не могло переубедить меня.

— Не смей прикасаться ко мне больше никогда, – прошипела я, словно ядовитая раздраженная змея, готовая кинуться в любой момент на потенциальную жертву. Вот только жертвой в данной ситуации была я, к сожалению.

Кирилл тут же разжал пальцы, возвращая свободу телу. Он смотрел в глаза, пытаюсь поверить в то, что услышал из моих уст, но его попытки не увенчались успехом, ведь мной управляла обида, поэтому слова и вызывали недоверие.

— Я не могу рисковать твоей жизнью, – сделал он очередную попытку, убедить меня в своей правоте. – Сабуров так просто не отпустит тебя.

— Я – оружие, которое ты когда-нибудь используешь против Дамира в корыстных целях.

— Это не так...

— Именно так и ты об этом знаешь.

Хромов окончательно растерялся, не зная, какой еще озвучить аргумент, дабы остановить меня. Но его аргументы больше никогда не остановят и не смогут убедить в несуществующей истине. Он рассматривал лицо, пытаюсь поверить в происходящее. От этого его взгляд наполнялся грустью. Все, что отображалось на его лице, отныне являлось для меня фейком, недостойным внимания. Повернув блестящий барашек замка, я распахнула дверцу, желая оказаться как можно дальше от Кирилла, и он позволил моему желанию исполниться, не препятствуя уходу.

Оказавшись в зале, я сразу заметила Сабурова, стоящего у выхода рядом с охранником. Он что-то эмоционально ему пытался объяснить, активно жестикулируя, а его лицо при этом было перекошено от злости. Подойдя ближе, я вцепилась пальцами в руку Дамира, ощущая боль в груди от биения разбитого сердца. Казалось, что его осколки вонзаются в легкие, ранив их и вызывая эту самую боль. Сабуров уставился на меня, пытаюсь разгадать тайну странного волнения.

— Ты где была? – спросил он, щура глаза, полные подозрения.

— Мне плохо, – шепнула я, плотнее прижимаясь к его телу, – отвези меня домой.

Муж для начала посмотрел в мои глаза, а затем поспешно окинул взглядом зал, словно понимая, что причина моего волнения вполне материальна и наверняка имеет человеческое обличье. Но так ничего и никого подозрительного не обнаружив, он повернулся ко мне, положительно кивнув.

— Поехали, – наконец-то произнес Дамир и, взяв меня за запястье, повел к выходу.

Машинально обернувшись, я наткнулась взглядом на Хромова. Стоя неподвижно, он смотрел на нас провожающим взглядом. «Почему его лживый взгляд наполнен до краев искренней болью?» – подумала я, повернувшись к выходу.

Вновь наслаждаясь свободой, я пыталась насытиться ею вдоволь, на случай если Дамир снова решит меня сделать заложницей своей ревности. Не спеша, двигаясь между рядами с разноцветными платьями, я равнодушно смотрела на них, не испытывая положительных эмоций. Вещи никогда не доставляли мне удовольствия и не важно, стояли они целое состояние или нет. Мое сердце подавало признаки жизни при виде спортивного инвентаря, возбуждая сознание. Мышцы всегда желали испытывать напряжение, сокращаясь.

Недолго думая, я отправилась в спортивный магазин. Манекены в спортивных бра, леггинсах, шортах и футболках, на которых красовались эмблемы известных брендов, приводили меня в восторг. Войдя в примерочную кабинку, я натянула на себя короткие ярко-зеленые шорты и такого же цвета бра. Пристально рассматривая фигуру, я не переставала улыбаться. Мое тело до сих пор доставляло мне удовольствие, радуя отражением, но стоило мне это, конечно, больших трудов: изнуряющих тренировок и жизни впроголодь.

Сменив несколько спортивных комплектов, я снова натянула свои вещи и, сунув ноги в кроссовки, повернулась к двери примерочной. Она резко распахнулась, заставив меня отступить назад от неожиданности и испуга. Передо мной возник высокий мужчина средних лет, он приподнял руку, согнутую в локте, а мой взгляд наткнулся на черное дуло пистолета. Глаза непроизвольно округлились, тело напряглось, превращая мышцы в каменные глыбы, не позволяющие совершать движения.

— Тихо, – зачем-то прошипел мужчина, ведь я и не собиралась шуметь, продолжая наблюдать за опасным дулом. – Пойдешь со мной, – поставил он меня перед фактом.

Обладатель пистолета поместил пальцы левой руки на мое запястье и, дернув неподвижное тело на себя, вывел из примерочной кабинки. Торговый центр мы покинули через пожарный выход, оказавшись на служебной парковке. А я, находясь в смертельной опасности, даже умудрилась похвалить похитителя, подумав, что с его стороны было умно вывести меня через запасный выход, ведь Сабуров-то не отпустил бы меня в город без «хвоста». Еще несколько шагов и мы замерли у серебристого «Опеля». Мужчина распахнул дверцу и кивнул на пассажирское кресло седана. Не желая оказывать сопротивление, я подчинилась, оказавшись в душном салоне, раскаленного на солнце кузова.

Авто, рыча и завывая, плутало между старыми серыми пятиэтажками, стараясь запутать следы. Я смотрела в боковое окно, считая каждый удар своего спокойного сердца. Похоже, его ничто не тревожило. Не было ни страха, ни волнения. Каждое сокращение сердечной мышцы было резким и уверенным, не давая ни малейшего повода для переживаний. Внезапно седан выскочил на широкую трассу, чуть ли не из-за кустов, и, зарывав более зловеще, устремился вперед. Эта трасса была мне достаточно знакома. Пазл в моей голове полностью был собран, лишая возможности логически мыслить, пытаясь разгадать тайну века, волноваться, готовиться к истязаниям или прощаться с жизнью. Окончательно потеряв интерес к происходящему, я вздохнула, взглянув на мужчину, сжимающего рулевое колесо правой рукой. Очередной вздох заставил его повернуться в мою сторону. Похититель пристально посмотрел в глаза, но, не обнаружив в них ничего интересного и достойного его внимания, уставился опять на пыльную дорогу.

Знакомый трехметровый забор, две каменные колонны, верхом на которых сидели по черному волку с высунутыми языками, изнывая от палящего солнца, и глухие металлические ворота, не спеша разъезжающиеся в стороны и выпускающие седан в логово хищника, наглядно продемонстрировали мне ранее собранную в голове картинку пазла. Автомобиль въехал на тер-

риторию дома, хрустя мелкими камушками, напоминающими морскую гальку. Из дома вышел Кирилл и, замерев на крыльце, сунул руки в карманы черных брюк. Он смотрел на меня сквозь лобовое стекло, которое, отражая солнечный луч, пускало его на красную кирпичную стену дома. Мужчина поспешно покинул салон, негромко хлопнув дверцей, а я по-прежнему оставалась внутри, пристально глядя на уставшее лицо Хромова. Вскоре он сдвинулся с места и, преодолев небольшое расстояние, распахнул дверь «Опеля», протянув мне руку. Презрительно взглянув на его пальцы, которые не так давно касались моей кожи, я покинула салон самостоятельно, не используя джентльменский жест помощи. Кирилл сдвинулся в сторону, снова заглянув в глаза.

— Я исполнил твоё желание, – тихо произнес он уверенным голосом. – Ты больше не вернешься к нему...

— Это не моё желание, – перебила я Хромова, отрицательно качая головой, – ты ошибся.

— Ты издеваешься? – зло взглянул он на меня.

— Это ты издеваешься, – недовольно пробурчала я. – Моё единственное желание – это твоё бесследное исчезновение из моей жизни.

Хромов тяжело задышал, из последних сил борясь с охватившим тело гневом. Его холодный взгляд держал моё сознание в страхе, не позволяя расслабиться. Сделав шаг, он резко и беспощадно сократил расстояние между нами, схватив меня за плечо. Его сильные пальцы сжимались на моём напряженном бицепсе, пытаясь причинить боль. Не произнося ни слова, Кирилл повел меня в сторону входа, но в дом мы так и не вошли. Двигаясь вдоль стены, мы направлялись в сторону гаража. Оказавшись внутри, Хромов разжал пальцы, освобождая тело и, подойдя к металлической серой двери, настежь распахнул ее. Несмазанные петли мерзко скрипнули, а моя кожа покрылась мурашками от нахлынувшей паники, догадавшись, что произойдет далее. Вновь поместив пальцы на моё покрасневшее от его хватки плечо, Кирилл впихнул меня в темное помещение. Дверь хлопнула, а я содрогнулась всем телом, перестав вдыхать какой-то пыльный противный воздух. Стоя неподвижно, я смотрела туда, где наверняка по-прежнему находилась дверь, просто в черной тьме рассмотреть ее было невозможно. В голове образовавшаяся полость не позволяла осознать произошедшее. Да я просто не могла поверить в то, что Хромов способен на подобный омерзительный поступок. «Это шутка. Им управляет гнев, лишая здравого разума...» – начинали заполнять эту самую полость мысли, направленные лишь на моё успокоение. Но спокойствие никак не желало наполнять дрожащее от страха тело. Чем дольше я стояла у выхода, тем больше мне мои же мысли казались бредовыми.

Не знаю, сколько я еще простояла у запертой двери, надеясь на то, что Кирилл опомнится. Вот только ничего подобного с ним не произошло, к сожалению. Повернувшись спиной к выходу, я вытянула правую руку в сторону и, нащупав шершавую стену, стала двигаться вглубь помещения. Пол исчез под ногами, а я чуть было не свалилась в пропасть. Но это была вовсе не пропасть, а просто лестница, ведущая вниз. Оказавшись где-то под землей, я прижалась спиной к стене и, скользнув вниз, опустила тело на холодный бетонный пол. Притянув колени к животу, я обняла их руками и опустила голову, закрывая глаза.

Безразличие владело сознанием, угнетая психику. Наверно, когда-то я сумела убедить себя в том, что даже в аду мне находиться комфортнее, нежели рядом с Сабуровым. Поэтому холодный подвал Хромова меня абсолютно не волновал. Лишь разочарование копошилось где-то в груди, словно колючий еж, покалывая сердце иголками.

Время растворялось во тьме, переставая существовать вовсе. Я даже представить не могла, пришла ли ночь во внешний мир или он по-прежнему во власти палящего солнца. Да и было мне все равно, ведь ничего бы не изменилось, по крайней мере, для меня уж точно. Неожиданно что-то вспыхнуло на потолке, ослепив глаза. Когда они привыкли к свету, я обнаружила на потолке «кирпичного мешка» лампочку, висящую на белом проводе, перекинутом через металлический крюк. Знакомый скрип дверных петель заставил повернуть голову в сто-

рону лестницы, у подножья которой уже стоял Хромов. Не желая смотреть на него, я снова опустила голову на колени, закрывая медленно глаза, в которых уже поселились горячие слезы. Он стоял на месте, по-прежнему сохраняя молчание. Лишь его громкое тяжелое дыхание заполняло пустынный подвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.